В.А. Аракчеев

Псков и Ганза в эпоху средневековья

Научная справка

ПСКОВ
2 0 1 2

Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка. / Псковская областная общественная организация «Чудской проект». – Псков: ООО «Дизайн экспресс», 2012. – 66 с.

Научная справка описывает развитие взаимоотношений средневекового Пскова с крупнейшим торговым союзом того времени – Ганзой. На протяжении четырех веков – с XIV по XVII – Ганза играла значимую роль не только в судьбе Пскова, но и в формировании торговых, дипломатических и культурных связей между российским и европейскими государствами. Публикация включает также копии средневековых документов Таллинского городского архива, иллюстрирующие торговлю Пскова с ганзейскими городами.

Автор:
д-р ист. наук Аракчеев Владимир Анатольевич
Псковский государственный университет

Заказчик:
Василенко Ольга Викторовна
Тимофеев Сергей Евгеньевич
Псковская областная общественная организация «Чудской проект»

Публикация подготовлена в рамках проекта «Ганзейские города: восстановление исторических связей для современного управления в сфере культуры» при финансовой поддержке Европейского Союза.
Содержание публикации является предметом ответственности автора и не отражает точку зрения ЕС.

© Аракчеев В.А., 2012
© Псковская областная общественная организация «Чудской проект», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Хронология 4

I. Введение 4

II. Отношения Пскова и Ганзы в XIV – XVII вв. 9

III. Выводы 25

Приложения 26

ХРОНОЛОГИЯ

1191 – 1192 гг. – заключение первого торгового договора между Новгородом и Готландом.
1199 г. – основание крестоносцами городов Ревель и Рига в Восточной Прибалтике.
1220-е гг. – заключение первого договора Пскова с Ригой.
1262 г. – заключение первого торгового договора между Новгородом и Любеком.
1329 – 1348 гг. – Болотовский договор, по которому Псков получал независимость и суверенные права в проведении внешней политики.
1336 г. – заключение первого союзного договора между городами Северной Германии и создание Ганзы.
1342 г., 6 января – договор Новгорода с ганзейскими городами о торговле воском с упоминанием Пскова
1406 – 1409 гг. – война Пскова с Ливонским орденом.
1417 г., 29 сентября – договор Пскова с Ливонским орденом о 10-летнем мире и условиях торговли.
1448 г., 25 июля – договор Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом.
1474 г., 13 января – договор Великого Новгорода и Пскова о перемирии с Дерптским архиепископом.
1498 г., февраль – русско-ганзейские переговоры в Нарве с участием псковской делегации.
1509 г., 25 марта – договор Пскова с Ливонским орденом.
1501 – 1503 гг. – Русско-ливонская война.
1535 г. – договор о перемирии между Русским государством и Ливонским орденом.
1554 г., **24 июня** – договор о перемирии между Русским государством и Ливонским орденом.
1558 – 1583 гг. – Ливонская война.
1558 г. – взятие русскими войсками Дерпта, переход его населения в подданство России и обращение к магистрату Ревеля с призывом переходить в русское подданство.
1562 г. – русско-шведский договор о перемирии и возобновление интенсивной русско-ганзейской торговли через Ревель.
1583 – 1586 гг. – строительство и начало функционирования «немецкого любского» гостиного двора в районе Завеличья г. Пскова.
1611 – 1617 гг. – шведская интервенция на Северо-Западе России, оккупация Новгорода.
1656 – 1661 гг. – Русско-шведская война, когда торговые отношения с ганзейскими городами Прибалтики были прерваны и частично восстановлены по перемирию 1658 г.
1669 г. – расторжение союзного договора и прекращение существования Ганзы.

I. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Краткая характеристика Ганзы XIII – XVII вв. как союза немецких городов и ее торговых отношений со странами Северной Европы

Слово «ганза» в немецком языке эпохи средневековья имело несколько значений, но все они первоначально обозначали сообщество купцов, гильдию; с XIII века слово «ганза» стало обозначать мощный союз городов Северной Германии: вендских (Любек, Росток), нижнесаксонских (Магдебург, Гамбург, Бремен), вестфальских (Дортмунд и др.) и ливонских городов, возникших в колонизованных немцами землях (Рига, Ревель, Дерпт). В XII – XIII вв. в Северной Европе впервые в ее истории возникли прочные торговые связи в пределах огромного региона – от Англии до русских земель и Финляндии. Значение Ганзы состояло в том, что в эпоху повсеместного господства натурального хозяйства немецкие купцы организовали посредническую торговлю между Западной и Восточной Европой.

Посредниками в торговле стали немецкие города, и прежде всего Любек. Благодаря удачному географическому расположению Любек с XI в. контролировал товаропотоки между Балтийским и Северным морями. Кроме того, поблизости от Любека располагались соляные копи, а соль в эпоху средневековья была одним из немногих товаров, имевших спрос повсеместно. Торговля Любека и его союзников основывалась, однако, не только на продаже соли, но и на перепродаже пушнины и воска на западных рынках и промышленных изделий на восточных. Имея постоянный спрос на меха на западных рынках, ганзейцы получали устойчивую прибыль.

Могущество Любека признавалось всеми городами Северной Германии, и за столетие до официального оформления Ганзы, уже в середине XIII в., купечество этого города получило торговые привилегии во многих странах. В приморских городах Германии строились простые, но крепкие плоскодонные суда – коггены, способные перевозить в трюмах соль, бочки с напитками и другие товары. Корабли сильно страдали от штормов, но были незаменимы при плавании на мелководье и в устьях рек. Поэтому даже русские города, находившиеся в отдалении от морских берегов, были доступны для торговцев из Северной Европы.

Период XI – начала XIV в. в истории торговли в Северной Европе характеризовался острым соперничеством Любека и города Висбю на острове Готланд, который в русских источниках назывался «Готским берегом». Жители Готланда были потомками норманнов, еще с IX в. проложивших путь в русские земли. В начале XI в. князь Ярослав Мудрый в кодексе законов «Правда Русская» впервые предоставил купцам правовую защиту, что стимулировало развитие торговых отношений русских земель с Западной Европой. «Готские» купцы построили свой гостиный двор в Новгороде, видимо, уже в начале XI в., а в 1191 – 1192 гг. заключили первый известный торговый договор с Новгородом. В 1199 г. начинается экспансия датчан и немцев в Восточную Прибалтику, где основываются города Ревель (Таллин) и Рига. В эти города переселяются купцы из Германии, которые вместе с «готами» устанавливают торговые связи с русскими городами. В 1220-х годах (до 1228 г.) был заключен первый договор Пскова с Ригой. В 1229 г. был заключен договор между Готским берегом, Ригой и Смоленском, согласно которому русским и немецким купцам была гарантирована правовая защита в городах своих торговых партнеров.

Только в середине XIII в. купцы Любека в ходе острой конкурентной борьбы утверждаются на рынках Новгорода: в 1262 году Любек заключил мир с Новгородом, договорившись о том, чтобы «немцам гостити в Новгороде без пакости». В 1336 году депутаты городов Северной Германии собрались на съезд в Любеке, где было официально объявлено о создании Ганзы (союза) городов. Герб Любека – орел – вскоре стал гербом Ганзы, объединявшей в лучшие времена до 170 городов – от берегов Рейна до Восточной Прибалтики. Высшим органом власти в Ганзе был общеганзейский съезд, рассматривавший вопросы торговли и взаимоотношений с иностранными государствами. В промежутках между съездами текущими делами руководил рат (городской совет) Любека. Несмотря на международный характер торговли, ганзейский союз объединял только немецкие города. Купцы Ганзы торговали в Лондоне, Антверпене, Новгороде, имели там свои конторы, но ни один из этих городов не являлся членом конфедерации, в том числе и Псков[1].

Условия торговли на Балтике и Северном море были необычайно сложными. Цены на товары определялись колеблющейся конъюнктурой, поэтому и доходы могли быть получены путем жесткой экономии. Чтобы свести затраты к минимуму, купцы сами выполняли функции матросов. Собственно, купцы со своими слугами и составляли экипаж судна, капитан которого избирался из более опытных путешественников. Конторы, которые держала Ганза в разных странах, были укрепленными пунктами, и их безопасность гарантировала высшая власть: вече, князья, короли. Вокруг было враждебное население, и купцам приходилось проявлять взаимовыручку и солидарность. Немцы жили в фактории не один сезон и подчинялись строгой дисциплине; «молодые» (подмастерья) должны были учить языки и не имели права жениться. Немецким двором управлял Совет старейшин и два олдермана.

XIV столетие на севере Европы стало веком Ганзы. Любек и его союзники диктовали свою волю таким государствам, как, например, Дания; ганзейцы заставили капитулировать

[1] Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 97 – 102.

богатый торговый город Брюгге во Фландрии. Однако к концу столетия могущество Ганзы пошло на убыль. С 1400 года в Западной Европе снизились цены на пушнину, в то время как цены на промышленные изделия стали расти. Норма прибыли ганзейцев уменьшалась. Неблагоприятные изменения происходили и в политической сфере: XV век в Европе стал временем образования централизованных государств. Дания, Англия, Польша, Русское государство властно вмешивались в зоны традиционного влияния Ганзы, ограничивая права ганзейских купцов и ликвидируя их монопольное положение на рынках. Активизировалось и европейское купечество: ганзейских торговцев вытесняли англичане, голландцы, купцы из Нюрнберга и других немецких городов.

В силу лучшей сохранности источников по истории ганзейского двора в Новгороде сведения о его функционировании имеют важное значение для реконструкции и псковско-ганзейской торговли. Немецкая фактория в Новгороде Великом – Двор святого Петра – существовала издавна. Ганзейским двором в Новгороде управляли выборные должностные лица, олдерманы, на правах полной автономии. Немецкий двор имел свой устав – скру, регулировавшую внутреннюю жизнь немецкого двора, а также условия торговли немцев с русскими. Ганза в начале XVII в. перерождается из «союза равных» в союз городов с доминированием Любека. В 1603 г. была составлена последняя, VII редакция скры, предназначенная не только для новгородского двора любчан, но и для «любского» двора в Пскове. Скра состояла из трех разделов. В первом разделе шла речь о порядке выборов и утверждения старосты двора, наказаниях за различные преступления и провинности, а также определялся порядок богослужения.

Поскольку строить церкви на гостиных дворах теперь запрещалось, богослужения могли проводиться в одном из помещений двора старостой или назначенным им лицом по лютеранским книгам. Во втором разделе регламентировался быт купцов путем подтверждения норм, заимствованных из прежних редакций. На дворе запрещались азартные игры, устанавливались общие трапезы с определенным регламентом и с обязательной явкой к обеду под угрозой штрафа. Третий раздел был посвящен порядку торговли, в том числе правилам покупки и продажи товаров. В его статьях специально оговаривались правила торговли новыми товарами: салом, юфтью, телячьей и бараньей кожей, металлическими сосудами. Вводились жестокие меры, вплоть до смертной казни, за фальшивомонетничество[2].

Ганза формально существовала до 1669 г., но это была уже не прежняя могущественная конфедерация. В последний век ее существования в самом ганзейском союзе усилились противоречия между городами, и Любек зачастую проводил вполне самостоятельную политику, организуя свои фактории,[3] и перемещение мировой торговли в Атлантический океан оказало роковое влияние на судьбу Ганзы. Одним словом, Ганза играла важную роль в Европе в более раннюю эпоху, когда капиталистические отношения были простейшими, кредита почти не существовало, и особенно значимой была роль Ганзы в истории России. Ее взаимоотношения с русскими городами составили целую эпоху в истории последних.

1.2. Географические, политические и иные предпосылки возникновения и развития взаимоотношений между Псковом и Ганзой. Роль Пскова в торговых отношениях Ганзы с Востоком

Псков с первых веков своего существования играл особую роль в торговле русских земель с Западом. Выход в Балтику из бассейна Великой был затруднен из-за порогов на реке Нарова, поэтому торговля через Псков вплоть до XV века носила региональный характер. Данные археологических раскопок показывают присутствие предметов импорта в Пскове в X – XI вв. Этому способствовали интенсивные связи русских городов со Скандинавией, откуда в X веке в Псков прибывают представители военной знати. Открытые в ходе раскопок 2003 – 2004 гг. погребения псковского некрополя показывают высокий социальный

[2] Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 178.

[3] Фактория – постоянная торгово-промышленная резиденция иностранных купцов с временным составом жителей.

статус и скандинавское происхождение погребенных. Богатый инвентарь, включающий 60 вещей, среди которых византийские монеты, изделия из бронзы и меди, свидетельствует об отсутствии торговой замкнутости Пскова и интенсивных военно-политических и торговых контактах с Западом и Востоком[4].

Основными политическими предпосылками оформления отношений между Ганзой и Псковом были особенности его государственного строя. Псков был вечевой республикой – городом-государством, все свободные жители которого считались его полноправными гражданами и соучаствовали в управлении им. Соучастие в управлении выражалось в вечевых собраниях, выборах на должности в муниципальном управлении. Поскольку многие горожане занимались торговлей и промыслами, удельный вес купцов в составе правящих групп был велик. Купцы занимали должности сотских, гостевных и купеческих старост, находясь на которых они участвовали в дипломатических переговорах и создавали более благоприятные условия для торговли.

Псковская вечевая республика возникла в процессе упорной борьбы за независимость от Новгорода. Псковско-новгородские отношения в 1228 – 1348 гг. прошли длительный и сложный путь, на котором отчетливо выделяются как периоды местного сепаратизма, так и признания новгородского и великокняжеского суверенитета. Первый период самопровозглашенной независимости относится к 1228 – 1242 гг., когда Псков пытался проводить самостоятельную политику, завершившуюся временной аннексией города Ливонским орденом. После победоносной битвы 5 апреля 1242 г. Псков вновь принес коммендацию великому князю и Новгороду, о которой свидетельствует упоминание в летописи «клятвы», «извещенной» Александром Невским властям города[5].

Политическое подчинение Пскова Новгороду нашло выражение во внешнеполитической сфере, когда в мае 1269 г. представители Великого Новгорода заключили мир с Орденом «на всей воли новгородской», в том числе от имени Пскова[6]. Однако уже в 1323 г. Псков оказался в военном союзе с Литвой, что нашло выражение в новгородско-ливонском договоре о союзе: «Если псковский князь захочет идти с литовским князем на новгородцев, то нам (немцам) быть их помощниками»[7]. Это временное «размирье» с Новгородом завершилось подписанием в 1329 г. мира в Опоках. После 27 мая 1341 г., пригласив на княжение великого литовского князя Ольгерда, псковичи вновь, по словам летописи, «предашася Литве»[8].

Болотовский договор, датируемый разными исследователями 1329 – 1348 гг., окончательно определил суверенные полномочия Пскова, подтвержденные новгородцами: «Посадником нашим оу вас в Плескове не бытии не судити, а о владыце судити вашему плесковитиноу, а из Новагорода вас не позывати дворяны, ни подвоискыми, ни софьяны, ни известникы…»[9]. Внешнеполитическая самостоятельность Пскова нашла выражение и в активизации непосредственных контактов Пскова с ганзейскими городами, прежде всего Дерптом, Ревелем и Ригой.

Конечно, и после получения Псковом независимости от Новгорода последний имел большие преимущества в торговле с Ганзой, чем Псков. Прежде всего это было вызвано несоизмеримыми ресурсами Новгорода, которому принадлежали в качестве осваиваемых территорий (колоний) земли русского севера – Карелия, Поморье, Северное Приуралье. Из колоний на новгородский рынок поступало огромное количество пушнины, лишь часть которой доходила до псковского рынка. Псковская земля, в отличие от Новгородской, представляла собой небольшую приграничную территорию, ресурсная база которой была скудна. Псковский рынок, таким образом, частично носил транзитный характер, что сказывалось на меньших, чем в Новгороде, объемах торговли.

---

[4] Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурина Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В. Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991 – 2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 386–400.

[5] Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 21.

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 87.

[7] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 37. С. 66.

[8] НПЛ. С. 354.

[9] Полное собрание русских летописей. СПб., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 278.

Торговые отношения между Псковом и Новгородом в XI – XV вв. были довольно интенсивными, хотя свидетельств этому сохранилось недостаточно. Основной торговый путь из Новгорода в Псков был речным и проходил по течению рек Шелони и Черехи. Проблемы торговли Новгорода и Пскова нашли отражение в берестяных грамотах: так, в грамоте середины XIII века идет речь о торговле беличьими шкурками, на которые есть спрос в Пскове. Грамота была отправлена из Новгорода от купцов Кюрика и Герасима к Онфиму в Псков. Купцы писали: «Если вы еще не сторговали (не продали), то пришлите сюда немедленно, потому что у нас здесь есть спрос на беличьи шкурки». Кроме того, купцы сообщали Онфиму о том, что присланный им торговый человек по имени Ксенофонт не внушает им доверия[10]. Видимо, в торговой компании старшим был Онфим, находившийся в Пскове, а Кюрик и Герасим оказались в Новгороде с товаром. Это обстоятельство позволяет утверждать, что между Псковом и Новгородом существовали налаженные торговые коммуникации, а в совместных торговых операциях участвовали купцы обоих городов.

В псковской берестяной грамоте последней трети XIII в. также идет речь о торговле, и тоже, скорее всего, с Новгородом, однако в совершенно ином контексте. «Поклон от Степана Вацюте. Сколько ты взял того сукна, в этом я полагаюсь на Бога и на тебя. Срочно погрузи его на ладью, при этом объяви своим сукном. А что касается того, сколько будет за это платы, то мы знаем сколько». Как справедливо предположил А.А. Зализняк, Степану было необходимо, чтобы Вацюта немедленно увез сукно и при этом выдал его за свое. Это могло быть в том случае, если бы товар, нуждающийся в укрытии, был захвачен при разграблении купеческого судна или обоза[11]. Укрыть и продать разграбленный товар можно было только при условии интенсивных торговых контактов.

Видимо, уже в XIV – XV вв. в Новгороде открылся Псковский гостиный двор, располагавшийся в северной части новгородского торга. Вопрос о статусе псковских купцов в Новгороде крайне сложен. В описании новгородского Торга 1583 г. нет указаний о принадлежности хотя бы одной лавки на Торгу иногородним, в частности псковским купцам. Следовательно, издревле псковские купцы в Новгороде могли торговать своими товарами только на своем гостином дворе. Это подтверждается Новгородской таможенной грамотой 1571 г.: «А псковичи и немцы с своим товаром ставятся на своих дворех»[12]. Здесь крайне характерно отождествление псковских купцов с немецкими, которые должны были вести торг исключительно на своих дворах.

Тем более что Псковский гостиный двор в Новгороде отличался значительными размерами: его длина составляла 30 сажень, он имел 4 горницы, 41 амбар. Кроме амбаров на дворе находились лавки для одного или нескольких иноземных купцов. К Псковскому гостиному двору примыкал Льняной ряд, где велась торговля товаром, привозимым в большом количестве из Псковской земли: льном, пенькой и коноплей. Гостиные дворы находились в заведовании голов, которые смотрели за порядком, начальствовали над дворниками и производили суд между останавливающимися на гостиных дворах как русскими, так и иноземными купцами. Рядом с псковским двором на реке Волхов находилась пристань, где можно было вести торговлю, не разгружая судов[13].

Наличие Псковского гостиного двора в Новгороде было важной предпосылкой для установления торговых связей Пскова с восточными территориями. Псковские купеческие караваны наверняка достигали городов Верхнего Поволжья – Ржева, Твери, Ярославля, но дальше на восток предпочитали не ходить: длительный путь и торговые издержки в виде таможенных пошлин, уплачивавшихся при пересечении административных границ, делали такие экспедиции экономически невыгодными.

Таким образом, установление дипломатических и торговых отношений Пскова с Ганзой было предопределено особенностями его географического положения, государственного строя и становления его суверенитета.

---

[10] Зализняк А.А., Колосова И.О., Лабутина И.К. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // Российская археология. 1993. № 1. С. 196 – 200.

[11] Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 424.

[12] Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. № 1. С. 17 – 35.

[13] Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 11 – 112.

II. ОТНОШЕНИЯ ПСКОВА И ГАНЗЫ В XIV – XVII ВВ.

2.1. Установление дипломатических и торговых отношений между Псковом и Ганзой в XIII – начале XV вв. Гостиные дворы ганзейских купцов в Пскове: «немецкий берег», «Немецкий» и «Любекский» дворы

Вопрос о том, когда установились договорные отношения Пскова с иностранными партнерами, решается на основании двух свидетельств. Причем оба эти свидетельства косвенные, так как первые наиболее ранние договоры Пскова с ганзейскими городами не сохранились. Во-первых, в летописном сообщении 1228 г. сообщается об отказе псковичей участвовать в походе новгородского князя Ярослава на Ригу, мотивированном заключением мира: псковичи заявили князю, что они «с рижаны мир взяли»[14]. Псков, противостоявший в то время новгородскому господству, самим заключением этого договора продемонстрировал свою волю к независимости. О содержании этого мирного договора можно судить предположительно, однако в грамоте Пскова Риге начала XIV в. говорится о коммерческом конфликте между псковским и рижским купцами, суть которого состояла в крупном долге рижского купца Нездильца, недоплатившего некоему Куморде 22,5 гривны серебра. В грамоте содержалось требование «выдать» рижанина Нездильца Пскову для выплаты его долга[15]. Следовательно, в заключенном мире с Ригой в 1220-х годах содержались статьи, гарантировавшие некий порядок разрешения торговых споров.

В 1242 г. Новгород восстановил свое политическое господство в Пскове, но в коммерческих вопросах псковичи по-прежнему вступали в отношения с ганзейскими городами самостоятельно, без посредничества Новгорода. Так, когда в начале XIV века уже упомянутый рижский купец по имени Нездилец взял в долг «20 гривен и полутретие гривны серебра» и уехал в Ригу, не выплатив долг поручившемуся за него псковскому купцу, в Ригу была отправлена грамота от имени псковских посадников Сидора, Рагуила, от сотских и всех псковичей с требованием выдачи должника[16]. Следовательно, органы самоуправления Пскова обладали правом непосредственных взаимоотношений с городами Ганзы. Несмотря на то что мирные отношения между Псковом и ливонскими городами прерывались войнами, торговые интересы всегда брали верх. Об интенсивности торговых связей Пскова с Ганзой в XIV в. свидетельствует тот факт, что в новгородско-ганзейском договоре 1342 г. немцы получили право не брать у русских купцов смешанного с желудями, смолой и горохом воска в Пскове[17].

В XV в. псковско-ганзейские отношения представляли собой чередовавшиеся периоды войн и мира. Причина этого состояла в заключении 12 октября 1398 г. Салинского договора между Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом, причем Псков вошел в сферу влияния последнего. Во время войны между Псковом и Ливонским орденом в 1406–1409 гг. торговые отношения с Ганзой были прерваны, и, несмотря на сложные отношения Новгорода с Псковом, новгородцы поддержали своего «младшего брата», задержав у себя немецких купцов весной 1406 г.

Больше всех ганзейских городов Прибалтики от прекращения торговли с Псковом страдал Дерпт. Инициатива в восстановлении псковско-ганзейских отношений после войны 1406–1409 гг. принадлежала именно Дерпту, который первым заключил с Псковом соглашение о безопасности проезда и ведения торговли (1411 г.) Однако в ходе начавшегося в 1410 г. «розмирья» с Швецией отношения новгородцев с Псковом вновь обострились: в грамоте, адресованной ратманам и всему населению Ревеля новгородцы убеждали купцов ездить в Новгород «новгородчким путем», то есть через Нарву, но не через Псков; в случае приезда ревельчанина в Псков он должен был ехать «взад», не пытаясь пробраться в Новгород[18].

В начале XV века Псков вступает в самостоятельные и независимые от Новгорода отношения с Ливонским орденом, заключая 29 октября 1417 г. договор с магистром. Ключевое

[14] Там же. С. 79.
[15] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее – ГВНП). С. 317–318.
[16] ГВНП. № 332. С. 317–318.
[17] ГВНП. № 41. С. 73–74.
[18] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее – ГВНП). №. 50. С. 89.

положение договора гласило: «Теперь, великий господин, господин магистр, нам с тобою и со всеми орденскими господами, которые находятся на сем поморье, а также за Двиною, и с твоими великими властями, и с архиепископством Рижским, и с городом Ригой, и со всей землей надлежит установить великое согласие, чтобы никому не помогать, ни Витовту, ни иному великому государю, ни епископу юрьевскому против нас, псковичей, не разорять нашей земли и не творить никакой неправды; также и нашим людям, псковичам, против тебя не помогать литовцам и твоей земли не воевать; и никаким людям, твоим господам, господин магистр, никакого зла против нас не допускать ни через твою землю, ни по воде, где ты власть имеешь; так же нам быть и с господином, господином магистром, и с ландмаршалом, и с твоими властями». Помимо обязательств о прекращении военных действий договор включал пункт о свободной дипломатической деятельности и торговле: «Послам, и гостям, и купцам чистый путь горою и водою с обеих сторон, торговать твоим гостям в наших землях по старому обычаю без вреда; также и нашим гостям в земле магистра торговать без вреда по старому обычаю и по этому новому крестному целованью…»[19]

В начале XV века новгородцы и псковичи сократили закупки соли у себя дома и стали ездить за этим товаром в Ливонию. В ответ в 1407 г. немцы запретили подвоз соли и торговлю с Новгородом и Псковом. Цены на соль подскочили, и русские купцы пошли на попятную, согласившись на прежние условия торговли. Псков покупал соль, прежде всего, для своих нужд, но иногда служил перевалочным пунктом для транзитной торговли ганзейцев с Новгородом, причем даже в военное время. Так, в 1420-х гг., когда Новгород воевал с Ливонским орденом, соль из Нарвы все-таки поступала в Новгород через Псков.

Торговля оружием и цветными металлами всегда была камнем преткновения в отношениях русских городов с Ганзой и Ливонским орденом. Ганза была заинтересована в торговле оружием, приносившим большие прибыли, а Орден, опасавшийся роста могущества русских земель, наоборот, препятствовал ей. Но коммерческая выгода часто брала верх над интересами обороны, и, например, в 1396 г. ревельские купцы, в том числе глава городского совета Герд Витте, провозили оружие в Новгород и Псков в бочках из-под сельди. Цветные металлы, столь необходимые в процессе изготовления оружия, также были запрещены к ввозу в Россию, видимо, в самом начале XV века. Во всяком случае, когда в 1420 г. псковичи захотели изготовить свинцовую кровлю для Троицкого собора, они не смогли найти мастера-литейщика не только в Пскове, но и в Новгороде. Не дали псковичам мастера и жители Дерпта, и лишь московский митрополит прислал в Псков литейщика.

Видимо, уже в XIII в. немецкие купцы обзавелись в Пскове местом для компактного поселения на время торговли: они размещались на так называемом «немецком берегу» в арендованных дворах русских купцов. Вплоть до XVI в. немецкого гостиного двора в Пскове не было, о чем свидетельствует отчет ганзейских послов на русско-ганзейских переговорах 1498 г.: «В Пскове немецкий берег называется немецким только по имени, но когда какой-нибудь немец туда приезжает, то он должен давать арендную плату тому, кому дома принадлежат»[20]. «Немецкий берег» – это прибрежная полоса Запсковья, находившаяся на противоположном Кремлю берегу реки Псковы. Оттуда немецким купцам было удобно вывозить свои товары на торг, располагавшийся у стен Довмонтова города.

Однако в 1558 г. началась Ливонская война, торговые контакты Пскова с Западом претерпели изменения: после захвата русскими войсками Нарвы и Дерпта псковские купцы получили возможность свободно ездить в эти города, а с 1561 г. – и в Ревель, который принял подданство Швеции. Однако 28 апреля 1562 г. в Пскове произошел небывалый по своим масштабам пожар, когда выгорело Запсковье, Кремль, где взорвался порох, хранившийся в погребах; взрывом разрушило крепостную стену, шедшую вдоль реки Псковы. Сгорели и постройки на «немецком берегу», которые после начала войны с Швецией в 1570 г. вновь опустели.

После завершения Ливонской войны в 1583 г. гостиный двор для купцов ганзейских городов было решено построить заново на Завеличье, рядом с наплавным мостом через Великую. К августу 1586 г., времени приезда в Псков Самуэля Кихеля, он был построен.

[19] ГВНП. № 334. С. 320–321.

[20] Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV – начало XVI в.). Л., 1975. С. 139.

Кихель описывает его так: «Австрийцы или немцы из ганзейских городов, но большей частью любекские купцы, имеют там склады и торговлю, для чего они вне города прямо у реки построили для этого специальный дом (двор), в котором они все живут. При этом каждый имеет свой покой и деревянную лавку по манере и обычаям страны, а город находится наверху сразу напротив воды. Кроме англичан и немцев ни одна нация не смеет там торговать, покупать и продавать»[21]. Из описания Кихеля следует, что он видел так называемый «любский» немецкий двор, построенный для ганзейских купцов.

Очевидно, однако, что на этом дворе, вопреки мнению Кихеля, останавливались и купцы из других европейских государств. Так, 17 июля 1604 г. псковские гости осматривали драгоценности и ювелирные изделия, привезенные в Псков «Фрянцовской земли торговым человеком» Бертраном Декаусом[22]. Присутствие ганзейских купцов в гостином немецком дворе регистрировалось воеводой в приказной избе; отъезд иностранца за границу также происходил с санкции воеводы. Поэтому, когда в декабре 1630 г. «торговый человек Любской земли Пантелейко Иванов» внезапно выехал с «немецкого двора», это вызвало расследование дела о его отъезде[23]. Перемещение торговых путей на Север и завоевание Прибалтики Швецией привело к резкому ослаблению влияния Ганзы на положение дел в России. Ключевое влияние приобретает «свейский» двор в Пскове, в то время как «любский» переживает упадок. Е.А. Рыбина пишет, что в 40-е гг. XVII столетия дворами любекских купцов в Новгороде и Пскове управлял один староста[24].

Место расположения немецкого гостиного двора до настоящего времени точно неизвестно; археологическими раскопками никаких следов двора на Завеличье выявлено не было. По мнению дореволюционных краеведов, немецкий двор располагался у часовни св. Ольги, т.е. на территории, не охваченной раскопками. Не позднее 1663 г. по соседству с «любским немецким двором» был построен «свейский немецкий двор», предназначенный для приема и торговли с шведскими купцами[25]. Исходя из описания «свейского» двора можно предположить, что на «любском немецком дворе» были таможенная изба, где проходило оформление ввезенных товаров, важня, где осуществлялось их взвешивание, каменная палата с погребом для хранения товаров и собственно гостиная изба, служившая гостиницей купцам. Археологическое исследование «немецкого любского двора» является делом будущего.

Из вышеизложенного видно, что установление и развитие дипломатических и торговых отношений между Псковом и Ганзой сопровождалось заключением договоров, детально регламентировавших правила и характер торговли. Совершенно логичным было в этом контексте устроение постоянной резиденции ганзейских купцов в Пскове – немецкого гостиного двора.

2.2. Дипломатические и торговые отношения между Псковом и Ганзой в 30-х гг. XV – начале XVI в. Договоры Пскова с Ливонским орденом и Дерптом. Дипломатические и торговые отношения между Русским государством и Ганзой в XVI–XVII вв. Защита торговых коммуникаций и прав коммерсантов

Как пишет Е.А. Рыбина, «30-е гг. XV в. стали переломными в истории новгородско-ганзейской торговли», ибо в связи с бурным развитием Нидерландов позиции Ганзы ослабевают, центр новгородско-ганзейской торговли перемещается в ливонские города[26]. С этим связано бурное развитие псковско-ганзейской торговли, ибо Псков был расположен ближе к ливонским городам Ганзы. В 1443 г. началась война между Новгородом и Орденом, но, несмотря на военные действия, ганзейские товары продолжали поступать в Новгород через Псков, с которым немцы сохраняли мир. 25 июля 1448 г. Великий Новгород и Псков

[21] Кирпичников А.И. Иностранец о Пскове XVI в. // Труды Псковского музея-заповедника. Псков, 1994. Вып. 1. С. 62.
[22] Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. 6. С. 14–15.
[23] Там же. С. 30.
[24] Там же. С. 180.
[25] Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М.; Л., 1960. С. 225–226.
[26] Рыбина Е.А. Новгород и Гназа. М., 2009. С. 103–104.

заключили с Орденом новый договор. Псковская делегация состояла из 8 человек, возглавляемых двумя посадниками – Федором Патрикеевичем и Степаном Юрьевичем. Важнейшее положение договора заключалось в том, чтобы не задерживать новгородских гостей из-за тяжб немцев с псковичами, равно как не задерживать псковских гостей из-за тяжб немцев с новгородцами[27].

Система защиты прав купцов на территориях соседних государств была несовершенной, что ярко проявилось в деле об убийстве рижского купца в Пскове в 1463–1465 гг. Рижский купец Иван, торговавший в Пскове алкогольными напитками, был убит своим слугой. Его товары, состоявшие из 25 бочек пива и 4 бочек «сыченого» (т.е. процеженного, отфильтрованного) меда, к этому времени «за печатью лежали на городе», т.е. были конфискованы за долги. В силу этого товары убитого рижанина были отданы в счет долга псковским купцам. Явившийся в Псков брат убитого рижский купец Иволт предъявил претензии не только на конфискованные алкогольные напитки, но и на драгоценности (золотую цепь, два серебряных ковша), воск и беличьи шкурки «без числа», которых в числе вещей убитого не было. Псковские власти предложили Иволту пойти на суд с кредиторами Ивана, с условием суда «по псковской пошлине», но он отказался и, вернувшись в Ригу, возбудил дело против псковских купцов Ивана и Кузьмы, задержав их на 5 дней[28]. Поэтому установление общих для купцов договаривающихся сторон и объективных критериев справедливого суда было настоятельной необходимостью продолжения отношений русских городов с ганзейскими.

Наиболее детально обоюдные условия торговли псковских и дерптских купцов были оговорены в соглашении от 13 января 1474 г. Этот договор подписали псковский князь Ярослав Васильевич, псковские степенные посадники Алексей Васильевич и Никита Ларионович. Заключение любого международного договора сопровождалось процедурой целования креста, что должно было придавать дополнительные гарантии соблюдения договора, ибо нарушивший его считался клятвопреступником. Поэтому отказу одной из сторон от выполнения обязательств должен был предшествовать возврат договорных грамот. «Крестное целование» упоминалось во многих пунктах текста договоров.

Гарантировались права православных церквей в Юрьеве (Тарту), русский конец в Юрьеве дерптский архиепископ, магистрат и все жители должны были держать «чисто, по старине и по крестному целованью, и не обидити». На купцов обеих сторон распространялись гарантии «чистого пути», т.е. свободной торговли как в городах, заключивших договор, так и проезда с товарами в другие пункты. По обоюдному договору были отменены таможенные пошлины: «колоды» (шлагбаумы) было решено ликвидировать, а «гостинец» (пошлины) не брать. Договор был необычайно выгоден для Пскова, потому что предоставлял псковским купцам право розничной и гостевой торговли в Дерпте и других городах, принадлежавших дерптскому епископу.

Теперь псковичи могли торговать в Дерпте не только с его жителями, но и с рижанами, ревельцами и «со всяким гостем», под которыми подразумевались не только ганзейские купцы. В случае торговых конфликтов купцам, находившимся на чужбине, был гарантирован равный суд с подданными страны, где находился купец: «А кому с ким суплетка есть о торговле, или о суде, или о поруке, или о ином о каком деле с которые стороны, тому исправа давати на обе стороне, по крестному целованью. А новгородцам и псковичам судить немчина как и своего, право, без хитрости, своею пошлиною, по крестному целованью; а немцом судити новгородца и псковитина своею пошлиною, как и своего немчина, право, без хитрости, по крестному целованью». Детально регламентировались способы проверки качества и взвешивания товаров. Прежде всего, ограничивались возможности немецких купцов по «колупанию» воска: его разрешалось «колупать не по многу, по старине, по крестному целованью»[29].

Однако ничто не могло гарантировать длительного мира. В 1494 г. в Ревеле были казнены по приговору ревельского суда двое русских, обвиненных в уголовных преступлениях: один был сварен в котле, а другой сожжен. Приговоры были вынесены в полном соответствии с правом средневекового города судить лиц, находившихся на его территории, по своим законам.

[27] ГВНП. № 73. С. 122.
[28] ГВНП. № 336. С. 323.
[29] ГВНП. № 78. С. 133–134.

Но великий князь Иван III, который отныне выступал за права не только новгородского, но и всего русского купечества в Прибалтике, в октябре 1494 г. распорядился закрыть ганзейский двор в Новгороде. 49 купцов из городов Ганзы были арестованы, а их товары на сумму 96 тыс. марок конфискованы. Начался затяжной двадцатилетний конфликт Русского государства с Ганзой. В Ревеле и Риге были арестованы находившиеся там новгородские купцы с товарами. Однако Дерпт, поддерживавший интенсивные торговые связи с Псковом и имевший с ним особый договор о свободе торговли, отказался прервать отношения с русскими городами. Продолжала торговать с Россией и Нарва, не являвшаяся членом ганзейского союза и поэтому не обязанная выполнять постановления его съездов.

Словом, единый фронт Ганзы и Ливонии против России так и не сложился. И Ганза, и Россия неоднократно пытались урегулировать конфликт. Так, в феврале 1498 г. русско-ганзейские переговоры проходили в Нарве, где интересы Пскова представляли князь Александр Владимирович, посадники Леонтий Тимофеевич и Борис Андреевич и по два боярина от каждого конца[30]. Восстановление нормальных отношений российская сторона увязывала с целым рядом требований; по сути дела, правительство Ивана III выставило предварительные условия. Россия требовала, во-первых, улучшения положения русских церквей и жителей русских концов в прибалтийских городах; в претензиях, предъявленных российской делегацией, приводились факты запрещения русским освящать церкви и жить в домах при церкви. Второе требование касалось выдачи «злодеев», виновных в насилии над русскими в ливонских городах, и оказания «справы» – удовлетворения пострадавшим от насилия. Переговоры закончились безрезультатно, и после их окончания Россия нанесла еще один удар Ганзе: был запрещен ввоз соли в русские города. Ганзейский двор в Новгороде, закрытый в 1494 г., был открыт вновь лишь в мае 1514 г.

Псковские купцы тщетно добивались от великого князя разрешить им ввозить соль в русские земли, но их старания успехом не увенчались. Псков, в общем, не много выиграл от закрытия немецкого подворья в Новгороде и, хотя он нес ущерб от сокращения транзитной торговли, псковские купцы продолжали торговать с ганзейскими городами вплоть до начала войны с Орденом 1501–1503 гг. Первыми заявили о своем отказе от торговой блокады власти Дерпта, с которым у Пскова действовал прежний договор. К июню 1495 г. торговлю с Псковом возобновил Ревель, и масштабы Русско-ганзейской торговли накануне войны 1501–1503 гг. были впечатляющими. В начале русско-ливонской войны в 1501 г. в Дерпте было задержано 150 псковичей и 25 «учанов»[31] с их товарами. Недатированная, но, вероятно, относящаяся к 1501 г., поручная[32] псковских купцов называет 7 человек, втянутых в интенсивный торговый оборот с Западом. Это кожевник Аксентий, портной мастер Стефан, котельники Моисей и Тимоха, купцы Семен Иголка, Иван и Василий Сазоновы[33]. Латвийские и российские историки (Г.А. Енш, А.Л. Хорошкевич) справедливо полагают, что ведущая роль в русско-ливонской торговле перешла от Новгорода к Пскову в последнем десятилетии XV в.

Вплоть до присоединения Пскова к Русскому государству властями Ливонского ордена предпринимались попытки укрепить политические и торговые отношения с Псковом. В праздник Благовещения (25 марта) 1509 г. был заключен договор между Ливонией и Псковом на 14 лет, который стал последним внешнеполитическим актом Псковского государства. Договор подписали псковский князь Иван Михайлович Оболенский, псковские посадники Михаил Ледов, Александр Киверников, Григорий Котлов, купеческий и гостевной староста, два городских дьяка. Договором предоставлялись важные гарантии купцам обеих сторон: «… из Псковские земли гостем и купцом … на Ригу и на Колывань и на Ругодив и на все городы Лифленские земли горою и водою путь им чист приехати и отъехати без всякие зацепки, и купити и продати добровольно всякой товар без вывеча, опричь соли»[34].

---

[30] Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 82 – 83.

[31] Учан – среднее по размерам грузовое судно, предназначенное для плавания по озерам и рекам; аналогичен западноевропейскому шнеку.

[32] Поручная – документ, оформлявший поручительство одних купцов за других в том, что первые обязывались возместить убытки третьей стороны за своих «поручников» (тех, за кого они поручились).

[33] Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 58–59.

[34] Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 90 – 92.

Присоединение Пскова к единому Русскому государству в январе 1510 г. изменило геополитическую ситуацию в Прибалтике, однако роль Пскова во внешней политике России осталась ведущей. Дело в том, что великий московский князь считал магистра Ливонского ордена, и тем более власти городов, неравной для себя инстанцией в международных делах, гораздо более низшей по рангу. Поэтому в 1510–1558 гг. право ведения переговоров и заключения договоров с Ливонским орденом находилось в руках псковских наместников и представителей псковского купечества. Рассмотрим, как это происходило на практике.

В 1535 г. был заключен русско-ливонский договор о перемирии на 17 лет, который формально был заключен между Псковской землей и Ливонией. На переговорах в Новгороде интересы Русского государства представляли послы псковских наместников – старосты псковские Богдан Микитин сын Ковырина, Назар Онисимов сын Глазатой и Ондрей Онкудинов[35]. В договоре подтверждалось право свободной торговли купцов обоих государств: «Из царя русского отчины, изо Псковской земли, гостям и купцам по маистрове державе, и по арцибискупли земли, и по бискуплим землям на Ригу, и на Колывань, и на Ругодив, и во все городы Лифленскои земли горою и водою путь им чист, приехати и отъехати безо всякие зацепки и купити и продати добровольно всякои товар без вывета и соль». Стороны обязывались «не уставливать» цены на импортные товары, то есть не регулировать их принудительно. Равные права предоставлялись и купцам немецкой стороны.

В то же время псковские, как и русские в целом, купцы получили исключительные права на территории Ливонского ордена: свободу от таможенных сборов («колодам по дорогам не быть и гостинцев от того у псковских гостей и купцов не имать»). Купцы ганзейских городов, которым в общей форме гарантировалась свобода проезда и торговли в Пскове и других русских городах, подобных прав не получили. В случае возникновения конфликтных ситуаций («обидных дел») между псковскими и немецкими купцами на сумму менее 10 рублей власти немецких и русских городов должны были решать дела согласно действующим нормам права, а по делам на большую сумму – отдавать иноземного купца на поруки и решать дело совместно на съездах администраторов приграничных городов.

24 июня 1554 г. между Русским государством было заключено новое перемирие на 15 лет, но его условия выполнены не были. Русское государство остро нуждалось в европейских специалистах-техниках, поставках цветных металлов и оружия, в то время как власти Ливонского ордена по настоянию соседних государств ввели настоящую торговую блокаду России, реакцией на которую стала Ливонская война 1558–1583 гг. Уже в первые месяцы войны русские войска захватили два крупных торговых города – Нарву и Дерпт (Юрьев, совр. Тарту). 21 июля 1558 г., после взятия Дерпта, псковский наместник П.И. Шуйский отправил послание в Ревель «посадником и ратманом и полатником и всем земским людем» (приложение № 2). Шуйский объявил о переходе в подданство русского царя населения Дерпта: «Бискуп и люди юрьевские судьи и посадники и ратманы и полатники и заморские люди наезные государю добили челом и далися на всю его волю государеву». Шуйский призывал переходить в подданство России и жителей Ревеля и объявлял: «Которые люди заморские торговые похотят ехати торговати в Юрьев и во Псков и во все государство Московское, и вы б их пропущали без зацепки, дорога им чиста, приехати и отъехать». Последняя фраза не была формальностью: военные действия часто прерывались перемириями, в ходе которых возобновлялись торговые отношения между Псковом и ганзейскими городами, особенно Ревелем.

Ревель (совр. Таллин) имел статус «вольного города» в составе Ливонского ордена, обладал собственным магистратом во главе с выборным советом (ратом). В первой половине 1561 г. Ливонский орден стал распадаться на части: западная часть ордена – Курляндия, Рига и окружающие территории – вошла в состав Речи Посполитой; северная часть ордена – Эстляндия с городами Ревель и Пярну – тяготела к Швеции, и в мае – июле 1561 г. эти города перешли в подданство шведского короля. В июне 1562 г. в Стокгольме был ратифицирован русско-шведский договор о 20-летнем перемирии. Поэтому в 1562 – 1570 гг. торговые отношения Пскова с Ревелем и другими ганзейскими городами через Ревель были

[35] Каштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 238.

довольно интенсивными, о чем свидетельствуют пять документов Таллинского городского архива (приложения № 3–7).

Перемирие продлилось всего восемь лет, до 12 июня 1570 г., когда были прерваны переговоры с шведскими послами, а на Ревель двинулась русская армия, что означало объявление войны, продлившейся до 1583 г.[36] В военных действиях принимали активное участие псковские помещики, один из которых, Василий Неклюдов, в конце 1572 г. оказался в шведском плену в Ревеле, откуда он отправил письмо своим братьям с просьбой о выкупе из плена: «Бейте челом государю, не покиньте меня, обо мене и об окупе» (приложение № 8). Ливонская война закончилась в 1583 г. подписанием Плюсского перемирия с Швецией, и очень скоро торговые отношения возобновились в прежнем объеме. Так, 17 октября 1586 г. псковский воевода отправил уведомление Ревельскому магистрату о поездке в Ревель по торговым делам двух псковских купцов: Тимохи Федорова сына Бойдока и Панфила Максимова – с товаром, с гарантией их свободной торговли и возвращения в Псков без каких-либо препятствий (приложение № 9).

Плюсское перемирие было прервано через семь лет новой войной, целью которой было возвращение Нарвы. Ни Ивангород, ни Нарву, однако, русским войскам взять не удалось, и осенью 1594 г. Россия и Швеция начали готовить почву для переговоров о заключении мира. Именно в это время в Псков, как и в другие порубежные города, было прислано предписание «тотчас во Пскове в тюрмах неметцких языков всех переписати поимянно старых и новых, где кто взят и в котором году, и которые померли». По переписи, проведенной 30 октября 1594 г. дьяком Д. Алябьевым, в псковских тюрьмах находилось более 30 пленных из числа шведских подданных, среди которых преобладали шведы, но сидели также латыши. Многие из полоняников попали в плен еще в годы Ливонской войны в боях под Нарвой в 1577 г. и Лялицами в 1582 г.[37] Целью переписи шведских полоняников была подготовка к обмену пленными после заключения мира. Видимо, шведских подданных освободили из псковских тюрем после 18 мая 1595 г., когда был заключен Тявзинский мирный договор.

Однако, несмотря на мир, начало XVII века в соседней с Псковом Прибалтике было неспокойным. Швеция, которой принадлежала Северная Эстония, и Польша, владевшая Латвией, ожесточенно воевали за прибалтийские земли. 27 декабря 1600 г. шведы захватили Дерпт и изгнали поляков за Двину[38]. В числе захваченных шведами городов был и приграничный замок Мариенбург (современный Алуксне). Городское население Прибалтики того времени было почти исключительно немецким или шведским – туземцы-латыши жили в деревнях. Жители Мариенбурга (русские называли его Алыст) были частыми гостями в Пскове, куда они ездили по торговым делам и не только. Приграничные города в то время кишели лазутчиками, в роли которых часто выступали псковские купцы. Одного из них, Григория Богданова, весной 1601 г. псковский воевода князь Голицын отправил под видом торговца в Алыст «для вестей», то есть для сбора информации.

За рубежом русский агент беседовал с тремя жителями Мариенбурга, из которых наибольший интерес к России проявил швед Кондрат Буш. Буш и его немецкие друзья просили Григория передать псковскому воеводе, что шведский гарнизон Алыста невелик – всего 30 человек, а «иные свейские немцы стоят по мызам». Кондрат Буш предлагал ни много ни мало, сдать город русским войскам в обмен на российское подданство. Псковский воевода писал царю Борису Годунову: «И будет де ты, царь, государь и великий князь Борис Федорович всея Руси, сего Кондрата пожалуешь, велишь взяти к себе, ко государю в службу, и он де тебе государю служити рад и город Алыст тебе государю отдадут…»[39] Царь Борис, может, и был бы не прочь присоединить к своим владениям восточную Прибалтику, но сил воевать у России не было. Совсем недавно, десять лет назад, русские войска безуспешно осаждали Нарву и едва смогли отбить у Швеции Ивангород да Орешек на Неве. В России

[36] Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 297–298, 550–551.
[37] Скрынников Р.Г. Опричный террор. СПб., 1992. С. 421; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 79; Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1. 1594 г. № 1. Л. 1–2.
[38] Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 2. СПб., 1894. С. 45–46.
[39] Российский государственный архив Древних актов. Ф. 96. Оп. 1. 1601 г. № 2.

начинался Великий голод 1601–1603 гг. и вставал призрак Смуты. «Свейский немец» Буш так и не стал русским подданным.

Псков, исключая годы войны, поддерживал непрерывные торговые контакты с ганзейскими городами Прибалтики. Только в 1611–1617 гг. Псков, оказавшись под ударами шведских войск, прервал торговые коммуникации с Нарвой, Дерптом и Ревелем, однако с заключением Столбовского мира в 1617 г. русско-ганзейская торговля возобновилась. Еще один перерыв приходится на время русско-шведской войны 1656–1658 гг., после которой влияние Ганзы в Восточной Прибалтике сходит на нет.

Вышетзложенное показывает не только сложности в развитии дипломатических и торговых отношений между Псковом и Ганзой, но и постоянное стремление Русского государства и его западных соседей к налаживанию этих отношений, невзирая на длительные войны.

2.3. Практика, правовые нормы и особенности ведения торговли в XV– XVII вв.: номенклатура товаров, цены, конфликты на почве торговли, привилегии, предоставлявшиеся ганзейским купцам властями Русского государства

Торговля в эпоху существования Ганзы основывалась на получении прибыли от операций, но выяснить размеры этой прибыли чрезвычайно сложно. До нашего времени сохранились счетоводные книги ганзейских купцов, но в них показаны чрезвычайно низкие нормы прибыли. Были ли они такими на самом деле? Ганзейский купец действовал в условиях, когда за его деятельностью наблюдали Бог и его сограждане по городской общине, чья установка диктовала необходимость купли-продажи товаров по «справедливой цене». Кроме того, сверхприбыли купцов облагались высокими налогами в пользу городской общины, поэтому в интересах торговца было преуменьшать размеры своей прибыли. Поэтому в счетоводных книгах показывали лишь ту прибыль, которую купцы получали деньгами, в то время как основные прибыли купцы получали непосредственно товарами.

Ганзейских купцов в Пскове могли интересовать различные товары. В России главным экспортным товаром были меха, но места добычи пушнины контролировал Новгород, и на долю Пскова приходилась лишь незначительная часть продаваемых на Запад мехов. В источниках первой половины XVI в. упоминаются ввозившиеся из Пскова шкурки белки – «лушверки»[40]. В XIV–XV вв. из Пскова в Европу экспортировался, главным образом, воск. Место воска в быту средневекового человека было сродни той роли, которую играет в нашей жизни электричество. Из воска изготавливались свечи – как для освещения жилых помещений, так и для богослужения. Кроме того, у католиков было принято лепить из воска изображения больных частей тела, которые развешивались в костелах перед реликвиями, что, по мнению верующих, должно было приносить им исцеление. Но в XIV–XV вв. в Европе, несмотря на развитие пчеловодства, воска недоставало, и он завозился с Востока – из Литвы и русских земель, где было еще довольно много лесов и было широко распространено бортничество – добыча меда диких пчел. Добытая вощина перетапливалась, воск очищался и поступал на продажу.

Торговля воском была доходным промыслом, доказательством чему является существование уже в XIII веке в Новгороде объединения «купцов-вощаников». Сведений о существовании такого объединения в Пскове нет, однако псковские купцы интенсивно торговали воском индивидуально. Качество воска было различным, низкосортный воск с отстоем ганзейцам покупать воспрещалось. Правила торговли регулировались «стариной» – принятыми в качестве нормы обычаями. Воск продавался по весу, но «упаковывался» «кругами» или кусками. Круги, или куски воска получались в результате очистки растопленной массы. На кругах, или кусках воска печатями проставлялся их вес, однако это совершенно не решало проблемы торговли. В эпоху средневековья весы работали по-разному в разных странах, и воск, взвешенный на Руси, в Ливонии весил иначе. Воск, как и многие другие товары, взвешивался в шиффунтах, причем весовые нормы шиффунта существенно различались. Шиффунт воска в Новгороде и Пскове равнялся 480 фунтам; в Любеке шиффунт воска содержал

[40] Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980. С. 23.

только 320 фунтов. Таким образом, перепродав русский воск в Любеке, ганзейский купец получал до 20% прибыли натуральным продуктом[41].

Качество воска также существенно отличалось в зависимости от степени очистки. В ходе топки воска примеси оседали в нижней части воскового круга, и чем больше их было (а они могли занимать до половины высоты круга), тем ниже было качество воска. Для проверки качества воска возник обычай его «колупания» – право ганзейцев откалывать от вощаного круга куски, причем отколотые куски в счет веса купленного воска не шли. Величина кусков воска, которые разрешалось «колупать», не была определена точно, а зависела от «старины» и произвола купцов. Отколотые в результате колупания куски воска рассматривались как компенсация за возможную недоброкачественность купленных у русских товаров. Воск продавался на месте и экспортировался в Прибалтику. В 1441 году псковские купцы повезли две ладьи с воском в Дерпт. Обнаружив, что воск недоброкачественный, немцы предложили его перетопить, однако русские отказались это сделать. Поэтому основная масса воска была перевезена в Нарву, не являвшуюся участницей Ганзейского союза, и продана там.

Важное место в псковском экспорте в ганзейские города занимало сало; в Дерпте существовала специальная браковальня (помещение для проверки качества) для сала, ввозимого из Пскова. Из импортных товаров псковичей в первую очередь интересовала соль. Значение соли в эпоху средневековья определялось не только тем, что она была продуктом питания; соль была одним из видов сырья для кожевенного промысла. Соль добывалась в сравнительно больших размерах лишь в немногих районах, весьма удаленных друг от друга, стоила дорого и рано стала важнейшим продуктом в товарообмене.

На Руси соли добывали недостаточно, в том числе в Псковской земле, поэтому соль и занимала одно из первых мест в составе импортных товаров. Псковичи попытались наладить добычу соли в 1364 г. в селении Руха (Рюха) на р. Черехе, но промышленников постигла неудача: «Поставиша две варницы на Рухе и начаша соль варити; и то не сбыся и повергоша»[42]. Нужда в поставках соли заставляла псковичей бороться за изменение невыгодных правил торговли. Ганзейские купцы на Руси продавали соль не по весу, а мешками. Понятно, что такой способ торговли часто приводил к обману. В то же время в соседних городах ганзейского союза соль продавалась на вес.

Помимо соли, важнейшим предметом ганзейского импорта в Псков была продукция западноевропейского сукноделия и горнодобывающей промышленности: различные виды сукон, серебро, цветные металлы. Кроме того, из городов Ганзы в Псков шли такие пищевые продукты, как сельдь и вина. Большое значение в торговле с Ганзой имели ингредиенты для приготовления лекарств, например тимьян.

Существенную часть товаропотоков в эпоху средневековья составляли алкогольные напитки. Но если вина были дороги и ввозились на Русь в малых количествах, то такие алкогольные напитки, как мед и пиво, импортировались весьма интенсивно. Причем в Псковской, так же как и в Новгородской землях изготавливали свой мед, часть которого также вывозилась на продажу в Дерпт и другие города. Свидетельством активной торговли алкоголем является упоминание 13 с половиной бочек пива и 4 бочек меду, взятых псковскими купцами из имущества убитого немца в Пскове в 1460-х гг. Лишь однажды в истории псковско-ганзейских отношений торговля «корчмою», т.е. любым алкоголем, была запрещена: по договору 1474 г. Псков и Дерпт обязались не ввозить на продажу в пределы территорий друг друга пиво и мед. Но уже через 30 лет в договоре 1503 г. этот запрет отсутствовал. Видимо, невыгодная обеим сторонам норма договора отмерла сама собой.

Псковичи торговали с многими ганзейскими городами – с Любеком, Данцигом, Ригой, но прежде всего с Ревелем (Таллином) и Дерптом (Тарту). Рига, Ревель и Дерпт входили в состав Тевтонского ордена в Ливонии, или, как его чаще называют, Ливонского ордена, – конфедерации, состоявшей из собственно орденских (магистерских и рыцарских) владений, церковных земель и вольных городов. Псков вел торговлю также с Нарвой – единственным из крупных городов Ливонии, не входившим в состав ганзейского союза. Стремительным

[41] Клейненберг И.Э. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV – начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 32–46.
[42] Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2. С. 27.

ростом своего торгового значения Нарва была обязана близости к Новгороду и удобству своего сообщения с ним. Нарва торговала с Новгородом и Псковом даже в самые острые моменты русско-ганзейских отношений. Нарва долго добивалась членства в ганзейском союзе, но каждый раз ей противодействовали ливонские города, особенно Ревель. Интересы городов и Ордена совпадали далеко не всегда, поэтому и псковско-ганзейские отношения были неровными.

После вхождения Пскова в состав единого Русского государства в 1510 г. была сломлена экономическая основа псковского боярства – землевладение, участие в международной торговле и т.д. С выводом бояр и гостей из Пскова и водворением на их место московских «веденцов» происходит коренное изменение всей системы псковской торговли. Трудности в псковско-ганзейскую торговлю были привнесены полной сменой контингента торговых людей Пскова, ведущих торговлю с западными партнерами. Пользуясь монополией на ввоз металлов в Россию, Ганза не упускала случая нажиться на торговле. Так, в 1518 г. в Псков привезли низкопробное серебро, но через шесть лет его отправили обратно в Дерпт.

Основной валютой в торговле Пскова с ганзейскими городами в XVI–XVII вв. были талеры, чеканившиеся в немецких городах с первой трети XVI в. Талер был тяжелой (29 г) и высокопробной серебряной монетой; значительная часть талеров чеканилась в г. Иахимстале, по названию которого за талером в русском языке утвердилось наименование «ефимок». В торговле с ганзейскими городами чаще использовались «любские ефимки», чеканившиеся в Любеке. До начала XVII в. соотношение ефимка и русских денег было установлено как 1:36, т.е. за ефимок давали 36 копеек, а в первой половине XVII в. 1 талер приравнивался к 100 деньгам, т.е. к ½ рубля.

Изредка в торговом обмене использовались золотые деньги европейской чеканки. Основную массу иноземной золотой монеты на прибалтийских рынках составляли дукаты весом 3,4 г, чеканившиеся первоначально в Венгрии, и тогдашнее частное название этой монеты – «угорский золотой» – более чем на два века вошло в русский язык, став метрологическим понятием. Внутри Русского государства золотые в качестве платежного средства не использовались, за исключением короткого периода 1610–1612 гг., когда согласно царскому указу золотые были оценены в 10 раз дороже серебряных монет. Видимо, это соотношение использовалось и в международной торговле[43].

Представить, насколько интенсивной была торговля Пскова с ганзейскими городами, помогает уникальный документ – долговая книга ревельского купца Ольрика Элерса за 1533–1550 гг. Во-первых, выясняется, что ревельские купцы в большинстве своем вели посредническую торговлю, скупая у своих контрагентов – русских купцов из Новгорода и Пскова – товары, предназначавшиеся для продажи на рынках Северной Европы, в том числе в Любеке. Часть сделок оформлялась обычным порядком, и расплата производилась деньгами, но некоторые сделки представляли собой безналичный товарный обмен. Терминология в этих случаях используется вполне соответствующая: товар не покупается, а «выменивается». В 1538 г. Элерс «выменял» у купца из Пскова, названного Иваном-Псковитином (Pleskouwer), партию грубого холста – рядна. Рядно было обменяно на крупную партию дорогой соли, которую отгружали для псковского купца в течение трех дней.

Значительная часть торговых операций осуществлялась в кредит, но в условиях отсутствия банковского кредита купцы давали своим контрагентам долговые расписки (кабалы), которые и были основанием для долговых требований. В большинстве случаев такое деловое кредитование работало успешно, хотя случались серьезные сбои. В 1568 г. семь псковских купцов – Тимофей Кирилов, Василий Григорьев, Матфей Иванов, Кирило Иванов, Иван Лапоть, Иван Дума, Иван Баранов – поставили свои товары в Нарву (Ругодив) «заморскому немчину» Петру Шмиту (называемому в русских документах «Смитом»). Шмит «в тех де товарех давал им на собя кабалы за своею приписью, да не заплатя де им по кабалам за их товары немчин Петр Смит из Ругодива збежал в Колывань» (Ревель). П. Шмит воспользовался доверчивостью псковских купцов, надеясь, возможно, на скорое возобновление военных действий. Однако псковские купцы отправились в Ревель с долговыми расписками, данными П. Шмитом, которые были предъявлены «бурмистрам и ратманам и посадникам» Ревеля.

[43] Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1. С. 245–251.

Однако Петр Шмит «ис Колывани збежал за море, а товары его остались в Колывани», и псковские купцы потребовали удовлетворить их долговые требования товарами Шмита, хранившимися при городовой ратуше (приложение № 3). Как следует из расписки, данной псковскими купцами ревельскому магистрату, 10 августа 1568 г. товары П. Шмита были переданы псковским купцам под расписку (приложение № 4).

Петр Шмит специализировался на торговле тканями: его «живот на ратуше» состоял из таких тканей, как бархат, домашка, китайка и атлас. Судя по торговым делам XVI–XVII в., эти виды тканей поставлялись в русские города, в том числе в Псков. Бархат и атлас, как известно, представляют собой дорогие и плотные ткани, находившие применение в одежде и изготовлении мебели для европейской элиты. Домашка представляла собой шерстяную ткань, изготавливавшуюся на ткацких мануфактурах Северной Германии и Нидерландов. Китайка – это гладкая хлопчатобумажная ткань разных цветов[44]. В составе товаров Шмита был бархат пяти цветов: белого, желтого, рудо-желтого (оранжевого), полусинего (голубого) и багрового – общим количеством 216 локтей (всего около 100 м ткани). Более дешевая домашка багрового цвета и двухцветная была конфискована в размере 75 локтей (около 35 м). Атлас лазуревого (голубого) цвета и «узорочья» (набивной) был в количестве 254,5 локтя (около 120 м). Китайка двух цветов была передана псковским купцам в количестве 424,5 локтей (около 200 м) (приложение № 4).

В кредитные отношения оказывались втянутыми и те немецкие купцы, которые жили в городах Ливонии, перешедших под власть России и тогда же, в 1558 г., принявших российское подданство, как например фигурант еще одного конфликтного дела «немчин ругодивской жилец Костянтин Христофоров» (приложения № 6–7). Псковский купец Василий Микитин сын Скорняков в 1567 г. «приехал… изо Пскова в Ругодив с товаром своим», состоявшим из льна, конопли, юфтей белых (высококачественных кож тонкой выделки) и сырых кож общей стоимостью 600 рублей. Нарвский купец Христофоров взял весь товар в кредит, выдав своему контрагенту кабалы (долговые расписки), и отправился торговать в Ревель. По мнению Скорнякова, Христофоров изначально не хотел возвращать ему ни деньги, ни товар, «учал жить в Колывани и назад в Ругодив не хотел приехать, хотячи заесть тот мой товар».

Получив разрешение на поездку в Ревель (Колывань), Скорняков «приехал в Колывань и того Костянтина в Колывани изъехал и бил челом на нево колыванским посадникам Ивану Пепресекову с товарыщи, и посадники меня приказали с ним судити судьи Якиму и управу мне сыскав на него дати, и того государь Костянтина поставили перед судьями, и яз на нем перед судьею искал судом, и кабалы на него клал перед судьею». Судьи вернули Скорнякову остатки непроданного товара – «пятьдесят берковцов лну, да кож сырых, да козлин на сто рублев», кожи и юфть Скорняков продал, а «лну продати не поспел и положил в дому у Катерины у толстои в коморе».

Однако этот лен оказался еще раньше продан Христофоровым некоему немецкому купцу по имени Индрик Фенкин, и в результате возникла коллизия, в которой на стороне российского подданного немецкого купца из Нарвы выступали русские воеводы из Ивангорода, а на стороне псковского купца Скорнякова – ревельский бургомистр и судья Иоганн Пепресек. В сохранившихся в Таллинском архиве документах русские воеводы уличают ревельского бургомистра и судей в нарушении прежних договоренностей, согласно которым немецкие судьи могли судить русских купцов лишь по мелким делам, а по крупным искам суд должен был осуществлять съезд судей (приложение № 6). Вне зависимости от исхода дела мы констатируем главное: широкое развитие кредитных отношений в торговле между Псковом и ганзейскими городами Прибалтики, равные условия жизни и торговли для русских и немецких купцов, перешедших в российское подданство, и, конечно, судебная защита, которую оказывали власти ганзейских городов, в данном случае Ревеля, псковским купцам.

В нашем распоряжении имеется и другой документ: в годы правления Бориса Годунова (1598–1605 гг.) группа псковских и новгородских купцов направила грамоту в Ревельский магистрат с жалобой на злоупотребления городских контролеров на торгу: «вахмисты» и «бердщники», по словам купцов, «приходят …по лавкам да товары наши грабят, а не ведомо за что, а ваши немцы приижают в осподарскую вотчину и во Псков со всякими товары, а продают

[44] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 142.

всякие товары нарозно, да не токмо что товары, ино и пиво, и вино, и мет, и романью, и брастру и всякия питья продают во стопы и в чярки» (приложение № 10). Кроме того, русские купцы жаловались, что «ваши немцы наших руских людей побивают насмерть и лают всякими речми не по делу да судья наших людеи сажает в турму». Предыдущие рассмотренные нами документы дают основание считать, что в цитированном документе были преувеличены трудности торговли Пскова с ганзейскими городами Прибалтики.

Прежде всего отметим, что право немецких купцов на торговлю алкогольными напитками на территории Псковской земли было официально зафиксировано договорами между Русским государством и Ливонским орденом, которые продолжали действовать и на рубеже XVI–XVII вв. Выражение «побивать на смерть» не означало обязательно убийства; оно могло обозначать просто нанесение сильных побоев; также не вполне заслуживает доверия сообщение о грабеже товаров у русских купцов на рынке Ревеля; разовые конфискации действительно могли быть связаны с продажей временно запрещенных товаров. Но главная причина подачи жалобы заключалась в другом. В апреле 1603 г. любекские купцы получили жалованную грамоту Бориса Годунова с разрешением вести беспошлинную торговлю в России и устраивать дворы в Москве, Новгороде, Пскове и Ивангороде. Поскольку русские купцы в ганзейских городах аналогичными правами не пользовались, псковские и новгородские купцы решили таким образом добиться большего внимания ревельских властей к их нуждам.

После завершения гражданской войны в России и заключения Столбовского мирного договора с Швецией торговые отношения между Псковом и ганзейскими городами Прибалтики интенсифицировались. О масштабах торговли псковских купцов в Прибалтике свидетельствует грамота псковского воеводы И.И. Салтыкова по поводу торгового конфликта псковского купца Алексея Балаксина со своим ревельским коллегой Константином Кармакиным от 28 февраля 1654 г. (приложение № 11). Во-первых, крупные купцы, держатели капитала, как правило, не ездили по торговым делам, псковский купец отправлял в Ругодив (Нарву) своего сына Клима, а делами ревельского купца Кармакина в Нарве ведал его агент Яган Снель.

Во-вторых, как и в XVI в. огромную роль в торговле играл кредит и возрастающую – бартер, прямой товарообмен в дополнение к оплате наличными. Как следует из документа, в 1652 г. псковский купец Балаксин поставил в Нарву 100 берковцев льна чистого, 100 берковцев пакли и 10 берковцев полубрака. Полубраком назывался сорт льна низкого качества[45]. Берковец представлял собой меру веса, равную 10 пудам (около 164 кг). Стоимость поставленного товара составляла: 1 берк. льна – 24 ефимка; 1 берк. пакли – 4,5 ефимка, 1 берк. полубрака – 14 ефимков. Таким образом, общая стоимость поставленного товара составляла 2990 ефимков (талеров), что позволяет оценивать эту сделку как очень крупную.

За поставленный товар Клим Балаксин взял у контрагента 3 половинки сукна, неизвестное количество ластов[46] серой соли, а оставшуюся сумму в 1820 ефимков ревельский купец Кармакин обязался выплатить наличными, привезя 500 ефимков лично в Псков. Сделка была оформлена документально: контрагенты «дружбою договорясь в той торговли укрепились записьми и цену тому товару написали». Однако сделка так и не была закрыта. Когда Клим Балаксин привез свой товар в Нарву, он 5 недель ждал Кармакина, затем ездил к нему в Ревель, но «Костянтин послал с тем Климком в Ругодив вашие королевина величества к торговому человеку к Ягану Снелю грамотку, и сказал тому Климку, бутто в тои грамотке он написал, а велел тому Ягану тот товар у того Климка принять и достальные яфимки за товар ему отдати». На самом деле Костянтин в своей грамоте написал Ягану Снелю, чтобы он «тот алексеев товар браковал, и обраковав склал к тому Ягану и держал».

Зимой 1652–1653 гг. в Нарву явился лично Алексей Балаксин «и ожидал ис Колывани того Костянтина в Ругодиве шесть недель, а тот Костянтин ис Колывани в Ругодив не поехал, и он Алексеи из Ругодива ездил в Колывань и бил челом по записи в тои торговли на того Костянтина вашие королевина величества бурмистром и ратманом, и колыванские судьи указа ему с тем Костянтином не учинили, и держали ево во дворе четыре недели, и дворнику

[45] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. С. 261.
[46] Ласт – мера веса, составлявшая 72 пуда, или 1175 кг.

з двора спущать не велели». Из обстоятельств данного дела хорошо понятна тактика нечистых на руку коммерсантов, которые, используя своих агентов, занижали стоимость импортированных из России товаров (путем их выбраковки), а по прошествии нескольких месяцев такой товар, как лен, пролежав в амбаре, действительно терял качество, и доказать в торговом суде обратное было чрезвычайно сложно.

Осенью 1653 г. дело вообще приняло полукриминальный характер: в присутствии Клима Балаксина «Костянтин товар ево алексеев лен и паклю и полубрак у сына ево Климка отвесил и склал в корабль, и за тот товар не учиняя платежу збежал в Колывань, хотя ево алексеевым товаром искорыстоватца». В конечном итоге за пострадавшего купца вступился псковский воевода, написавший письмо ревельскому магистрату. Вероятно, дело было решено по суду, но важно подчеркнуть, во-первых, исключительный характер этого торгового конфликта и в силу масштаба сделки, и по причине дерзости действий одной из сторон.

Еще один подобный конфликт был связан тоже с просрочкой кредита по поставке льна. Псковский купец Кузма Ондреев сын Солодовников в 1654 г. продал ревельскому купцу Юрию Рентелю льну чистого стоимостью 1495 «яфимков любских, и кабалу де ему на себя дал, в том что ему Юрью те ефимки поставить во Пскове на срок на Рожество Иванна Предтеча 162 ж году», т.е. к 23 июня 1654 г. (приложение № 12). Рентель просрочил выплату по кредиту и только после поездки в Ревель Солодовникова «дал ему другую кабалу, что ему те яфимки поставить на другои срок во 163 году сентября в 12 числе». В случае невыплаты и во второй срок ревельский купец должен был заплатить помимо самого долга неустойку в размере суммы долга. Подобные конфликты, видимо, были редким явлением, но зачастую именно они служили поводом для начала войны, и спустя два года после написания грамоты псковским воеводой действительно началась Русско-шведская война 1656–1658 гг.

Внешняя торговля Пскова в XVII веке строилась по сезонному принципу и наибольшую интенсивность приобретала в зимние месяцы, когда устанавливался санный путь. Торговые караваны насчитывали от 7 до 20 саней, на которых везли мыло, лен, пеньку, сало, свечи, кожи. Зарубежную торговлю вели крупные купцы – Поганкины, Русиновы, Меньшиковы, но в ней активно участвовали и мелкие торговцы. В середине XVII века в Псков переселилась группа торговых людей из Ивангорода, которые, пользуясь налаженными коммерческими контактами, везли в Ревель псковские по происхождению товары. В феврале – марте 1659 г. большие обозы с товарами отправляли в Ревель псковские купцы Мелихов и Федор Иванович Ивангородец. В торговле участвовали псковские стрельцы, крестьяне Печерского монастыря. Стрельцы Никита Карпов и Кузьма Прокофьев в феврале 1659 г. доставили в Ревель обоз из 7 саней с льном и пенькой. Судя по записям в таможенных книгах в феврале – марте 1659 г. в Ревель прибыли не менее 5 обозов с товарами из Пскова. Летом и осенью 1659 г. в Ревель также шли обозы из Пскова, отправленные купцами Юской Анисимовым и Андреем Левонтьевым.

В составе псковского купечества в 1661 г. произошли большие изменения. Во время войны 1656 – 1658 гг. русские войска заняли бывший русский город Ивангород, а его население, в том числе множество купцов приняло российское подданство. Однако после перемирия 1658 г. был заключен Кардисский мирный договор 1661 г., по которому Ивангород был возвращен в состав Швеции. Не менее 30 ивангородских купцов приняли решение переселиться в Россию и действительно переселились в Псков. Их коммерческие дела только выиграли, ибо они и ранее были тесно связаны с псковским аграрным рынком и теперь, используя старые связи, налаживали интенсивный товарообмен. Примером такого коммерческого сотрудничества являются сделки, заключенные между псковским (бывшим ивангородским) купцом Кузьмой Зюниным и ревельским купцом Михаилом Паульсеном в 1674 г. (приложения № 14–15).

Порядок торговых операций, осуществлявшихся в это время, вполне можно распространить и на предыдущий период. Заключение любой сделки предварялось интенсивной перепиской, носившей конфиденциальный характер: во избежание перлюстрации письма переправлялись с верными извозчиками или приказчиками. В силу того, что лен и пакля были товарами, требовавшими судов большого водоизмещения, караван таких судов старались проводить в конце апреля – начале мая, «по первой воде». Лен, паклю и полубрак псковские купцы скупали у крестьян зимой и обычно к началу навигации обладали некоторым запасом товара.

Обычно это было около 200 берковец разных видов льна и льняных изделий. Кузьма Зюнин в 1674 г. предлагал своему контрагенту 203 берковца товара по цене 12 руб за берковец льна и по 7 руб за берковец пеньки. Как правило, торговые контакты осуществлялись непрерывно, и та или иная партия товара псковского купца находилась на зарубежном рынке. Кузьма Зюнин, видимо, еще зимой переправил в Нарву купцу Юрию Меллеру юфть (кожи тонкой выделки); товар не был реализован полностью, и весной Зюнин отправил в Нарву своего приказчика Ивана Аникеева забрать юфть у своего прежнего компаньона.

Еще одна важная особенность торговли немецких купцов в Пскове состояла в закупке товаров путем заключения предварительных контрактов на выделенные деньги. Еще в жалобах 1658 г. псковские купцы писали, что купцы из Прибалтики «у торговых людей и у пашенных крестьян покупают товары повольным торгом и пашенным крестьянам впредь деньги свои раздают на покупку всяких товаров, льну и конопли»[47]. Точно такой же способ предлагал К. Зюнину его контрагент М. Паульсен в 1674 г.: он предложил прислать в Псков 300 золотых, которые можно было пустить на закупку товаров. Зюнин в ответ предложил прислать 500 золотых, что увеличило бы оборот торговых операций.

Торговым операциям XVII в. была знакома система бонусов в случае недостаточной прибыли купца, вложившего свои деньги. Зюнин писал об этом так: «За те твои вышеписанные денги, колки доведетца берковец против люцкои цены послали, тебе у меня у кажнего берковска гостинцов ис цены по полуяфимку любскому за то, что твои денги будут напред за мною». Смысл этого бонусного предложения следующий: Зюнин предлагал снизить цену за берковец товара по ½ ефимка (талера). Если учесть, что стоимость ефимка приравнивалась к стоимости ½ рубля, то выгода немецкого купца с каждого берковца товара составляла ¼ рубля, или около 50 денег.

Подобного рода соглашения между купцами предусматривали их соучастие в получении прибыли или несении убытков, что Кузьма Зюнин четко сформулировал в своем письме: «А что Бог даст под тем товаром прибыли или накладу сверх своих истинных денег, и то нам розделить с тобою пополам». У купцов, подобных М. Паульсену, в Пскове было несколько компаньонов. Так, его приказчик Иван Разполт продал псковским купцам Якову Сырникову и Якову Котятникову 88 берковец с лишком соли, на что обиженный Зюнин отвечал: «а естли бы я ту прежнюю соль принял, так бы я умел ту соль в пору продать полною ценою». Розничная продажа соли находилась в руках псковских купцов, которые старались удерживать оптовые цены на дорогой импортный продукт в размере 60 алтын без гривны за берковец. Наконец, следует отметить особый этикет, свойственный переписке купцов: Зюнин называет Паульсена своим «другом дорогим и добрым» и заканчивает пожеланием успехов: «буде Богом храним и покровен десницею Бога всевышнего со всеми своими приятели и с любищими».

Таким образом, представленные материалы дают исчерпывающую картину псковско-ганзейских торговых отношений, для которых были характерны значительные обороты, высокая степень доверия между купцами разных стран, выражавшаяся в кредитовании совместных операций, глубокое знание купцами экономических реалий, развитая система скидок и уступок в ценах.

2.4. Пути сообщения между Псковом и городами Ганзы в Прибалтике. Практика и особенности ведения торговли псковичей в ганзейских городах Прибалтики. «Русский конец» и гостиный двор в Дерпте. Псковские купцы в Ревеле (Таллине) и Риге

Система транспортных магистралей, ведущих из Пскова в прибалтийские города Ганзы формировалась веками. Вообще, направления путей сообщения – это наиболее устойчивый сегмент торговых отношений в эпоху средневековья. От середины XVII в. до нас дошел документ, содержащий подробное изложение дорожных маршрутов от Пскова к балтийским городам. 31 августа 1656 г. псковский воевода кн. И. Хилков получил царский указ, которым

[47] Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ. М., 1950. Т. 34. С. 223.

ему предписывалось со слов купцов составить «чертеж» (карту) «сухих и водяных путей» от Пскова до Риги, Ивангорода, Юрьева Ливонского (Тарту) и других немецких городов с приложением «росписи против чертежу», то есть описания этих путей с обозначением расстояний. Составленная карта в дальнейшем была утрачена, а роспись сохранилась в составе архивных дел и в начале XX в. была опубликована[48].

В росписи представлены три трассы, по которым псковские купцы испокон веков возили товары в Прибалтику: на Ригу, Юрьев и Колывань (Ревель), Ивангород и Ругодив (Нарву). Все три трассы совпадали на пути от Пскова до Печерского монастыря и Нового городка, а дальше расходились в направлениях на Ригу и Юрьев (Тарту) – Колывань (Таллин). Путь от Пскова до Риги насчитывал 270 верст, в том числе 40 верст до Печерского монастыря по русской территории и 230 верст по шведской. Путь до Печерского монастыря вел через Камно, Корлы, Печки; торговцы преодолевали 3 моста, в том числе «живой» (наплавной) через Великую в Пскове, два брода и паромную переправу (плот) на реке Обдех. На шведской территории путь вел через Новый городок (совр. Вастселийна), город Волмерь (совр. Валмиера), десятки мыз и селений. Дороги на территории современных Эстонии и Латвии тоже не отличались благоустроенностью: помимо 16 мостов, в том числе последнего подъемного на въезде в Ригу, путешественникам нужно было преодолевать две паромных переправы и множество заболоченных участков. Об одном из них, между речками Санна и Черной, было сказано так: «На десяти верстах грязи ручьи, мостов нет, леса есть, а жилых мест нет, с телегами ездят».

Сухопутная дорога от Пскова до Юрьева Ливонского составляла 139 верст. До Нового городка (Вастселийны) купцы двигались по уже известному нам пути. Путь к Юрьеву Ливонскому шел через городок Керепеть (совр. Пылва), 15 мостов и заболоченные участки, один из которых был описан так: «От речки на 15 верстах грязи, и болота и мхи, мостов нет». В росписи отмечено наличие «водяного пути ото Пскова до Юрьева Ливонского» по Псковскому озеру и реке Эмайыги длительностью 120 верст, который был несравненно ближе и удобнее в период судоходства. Однако скорость прохождения судов по Эмайыги и Псковскому озеру зависела от направления ветра. Обычно путь из Дерпта в Псков преодолевался за 3 суток, но немецкий путешественник С. Кихель в 1586 г. из-за отсутствия благоприятного ветра добирался до Пскова 4 суток[49].

Путь от Пскова до Колывани (Таллина) составлял 299 верст. Первоначально купцы достигали Юрьева (Тарту), после чего выдвигались к Колывани. Путь до Колывани также представлял собой сухие и заболоченные участки дороги, 12 мостов, в том числе последний через ров у крепости.

Путь от Пскова до Ивангорода и Ругодива (Нарвы) составлял 180 верст. Путешественники преодолевали 5 мостов, 7 речек преодолевали вброд, через реку Плюссу переправлялись в лодках. Но в судоходное время до Ивангорода и Нарвы можно было добраться водным путем по Псковскому и Чудскому озерам и реке Нарове[50]. Очевидно, что описанные торговые пути не были труднопреодолимы для купцов, которые могли отправлять крупные партии товара водным путем, а меньшие по объему – сухим.

В прибалтийских городах в XIV–XVI вв. не было русских купеческих подворий, и роль объединяющих центров для русского купечества в Ливонии играли православные церкви. В Дерпте имелись две русские церкви – святого Николая и святого Георгия, финансово поддерживавшиеся новгородскими и псковскими купцами. При церквах находились помещения, где жили священнослужители и хранились товары. Здесь же происходили празднества и собрания. Дома немецких бюргеров, располагавшиеся вокруг православных церквей, издавна арендовали русские купцы, поэтому городской район Дерпта в окрестностях церквей стал именоваться Русским концом, по аналогии с наименованиями городских районов в Новгороде и Пскове.

Впервые русские церкви в Дерпте – «святыи Никола и святыи Георгии» – упоминаются в описании путешествия русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг.

---

[48] Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. № 27. Т. 6. С. 135–140.

[49] Кирпичников А.И. Иностранец о Пскове XVI в. // Труды Псковского музея-заповедника. Псков, 1994. Вып. 1. С. 62.

[50] Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. № 27. Т. 6. С. 135–140.

Эти же две православные церкви названы в русско-ливонском договоре 1481 г. Н.А. Казакова предполагала, что церковь св. Николая была церковью новгородцев, а св. Георгия – церковью псковичей. В пригородной черте Дерпта находились земельные участки, которые обрабатывались церковными служками. Поскольку русские церкви в Дерпте были патрональными церквами новгородских и псковских купцов, посещавших город, под одной крышей с ними находились помещения, в которых хранились товары и устраивались пиршества (братчины)[51].

Церкви обладали определенной юрисдикцией для защиты своих интересов и интересов своих вкладчиков. В Пскове в середине XX в. была обнаружена свинцовая печать с двумя надписями: «Печать Юрьевская» на лицевой стороне и «Печать святого Георгия» на оборотной. Эта печать вполне могла использоваться в сфере гражданского права для удостоверения различных актов, связанных с пребыванием и деятельностью русских купцов в Дерпте[52]. Исчерпывающая характеристика правового положения Русского конца в Дерпте имеется в отчете ганзейских послов о русско-ганзейских переговорах 1498 г. Представители Дерпта во время переговоров заявили: «Дома и помещения, расположенные вокруг русских церквей в Дерпте, принадлежат горожанам Дерпта, и нигде никто на них не имел прав, кроме тех, кто записан в городской книге; если в прежние времена некоторые русские в них жили, то они арендовали эти дома у горожан Дерпта, потому что дома находились около русских церквей, и поэтому то место в их городе получило название Русского конца»[53].

В Ревеле на территории Старого города существует улица Вене (Русская), которая маркирует место расположения русского подворья, окружавшего церковь Николая Чудотворца. Эта церковь была воздвигнута в начале XV в. вблизи Бременской башни, а дома вокруг нее стали арендоваться русскими купцами. Церковь Николая Чудотворца существовала главным образом за счет пожертвований русских купцов, временно проживавших или приезжавших в Ревель. Помимо икон в окладах и прочих сокровищ, казна Никольский церкви в 1619 г. насчитывала «четырнацать рублев руских денег, да 41 яфимок любских яфимков, да 34 ефимка реялских, да пол-яфимка свеиская» (приложение № 11).

Квартал вокруг Никольской церкви был населен русскими купцами. Как следует из жалобы псковского купца Прокофия от 20 августа 1554 г., к его делу имели отношение четверо ивангородских купцов, священник, староста и «многие люди», очевидно из числа русских, то есть в районе русских подворий постоянно жили десятки русских купцов и торговых агентов. В арендованных домах устраивались не только склады товаров, но и «каморы» – специально оборудованные помещения, сочетавшие в себе качества сейфа и шкафа для хранения наличных денег. В августе 1554 г. у псковского купца Прокофия из каморы украли 117 «ефимков» – огромную сумму, предназначенную для оптовых закупок товаров (приложение № 1).

Повседневная жизнь русских купцов в Ревеле объединяла в себе самые разные типы поведения – от дружеских застолий до откровенной уголовщины. О таком случае сообщает документ из таллинского архива, датируемый 1568–1570 гг. Группа псковских и новгородских купцов засиделась допоздна у члена ревельского городского совета («полатника») Тимофея и по возвращении домой, невзирая на двух сопровождавших их слуг, подверглась нападению. Последствия были тяжелы: «дву человек искололи, один лежит в конце живота, а другои болен» (приложение № 5). Видимо, у псковских купцов были старые счеты с их недоброжелателями, одного из которых они опознали: «одного государь немчина в рожу знаем, а имяни его не ведаем, сидит на Корабелнои улице возле ратмана об одном глазу». Нападавшие угрожали своим жертвам повторными нападениями: «впредь, государь, нам грозят, хотят нас бити и резати», почему русские купцы и просили защиты у Ревельского магистрата.

Торговля псковских купцов в Риге велась менее активно, чем в Дерпте и Ревеле, прежде всего потому, что в Ригу вел удобный речной путь по Западной Двине из Витебска и Полоцка, что давало купцам из этих городов существенные экономические преимущества.

---

[51] Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в XIV–XV вв. Л., 1975. С. 138.
[52] Янин В.Л. Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 260–261.
[53] Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 139.

Однако присутствие псковских купцов было настолько ощутимо, что Рижский магистрат в 1612 г. принял специальное постановление о разрешении псковским купцам останавливаться в определенных городских дворах. В 1642 г. Рижский магистрат отводит для псковских купцов особое подворье (Гостиный двор), расположенное за городской чертой. Гостиный двор представлял собой дом из двух комнат, рассчитанных на прием 10 и 4 человек и нескольких амбаров. Подворье держал в аренде рижский горожанин, который брал с постояльца ½ ефимка (талера) в неделю, за лошадь – 1 гривну. Поскольку торговля неизбежно сопровождалась предоставлением кредита, русские купцы оказывались вынужденными прибегать к услугам хозяина Гостиного двора, который брал комиссионные с гостей за взыскание долгов с немецких купцов. Из вышеизложенного следует, что торговым операциям псковских купцов на Западе была свойственна высокая степень интеграции в рынки прибалтийских городов, высокий уровень информированности о торговой конъюнктуре и ценах в прибалтийских городах и, соответственно, высокая доходность внешнеторговых операций.

III. ВЫВОДЫ

Изучение военно-политических, дипломатических и торговых отношений между Псковом и Ганзой позволяет сделать следующие выводы:

1) Торговые связи русских земель и городов Ганзы продолжались, невзирая на обычные в условиях средневековья войны. Это позволяет говорить о существовании в средневековой Европе такой экономической составляющей, которая на протяжении столетий являлась основой европейской цивилизации. Между купцами русских и ганзейских городов, при всех отличиях в языке, ментальности, всегда существовало взаимопонимание, позволявшее находить общезначимые пути выхода из политических кризисов.

2) Как республиканские правительства Новгорода и Пскова, так и монархическое Русское государство были заинтересованы в развитии торговли и оказывали поддержку своим купцам, а также предоставляли правовую защиту купцам ганзейских городов. Согласно существовавшему как минимум с XIV века порядку, все спорные вопросы должны были решаться через суд. Сохранившиеся документы показывают, что в большинстве случаев суды принимали объективные решения, невзирая на национальность и подданство истцов. Типичным примером такой беспристрастности судебного решения Ревельского магистрата является удовлетворение им судебного иска псковского купца против немецкого купца из Нарвы в 1569 г.

3) Успех в торговых отношениях между Ганзой и Псковом всецело держался на детальной регламентации сопровождавших торговлю правовых процедур. Тщательная проверка качества товара, взвешивание и взимание пошлин, расчеты по торговым операциям были гарантией чистоты сделки.

4) Еще одним важнейшим условием торговли было доверие между немецкими и русскими купцами. Отсутствие банков и банковского кредита не препятствовало развитию кредита частного: русские и немецкие купцы предоставляли друг другу в кредит исключительные по тем временам суммы, позволявшие вести торговые операции в течение одного – двух лет.

5) Успехи в развитии торгово-экономических связей между Псковом и городами Ганзы были предопределены постоянным присутствием русских и немецких купцов в городах, которые были их торговыми партнерами. Наличие Гостиного двора давало возможность складировать товары, ждать более благоприятной экономической конъюнктуры, организовывать совместные торговые операции.

6) Вышеизложенные факты позволяют увидеть в истории военно-политических и торговых отношений Пскова и Ганзы элементы новоевропейского порядка, который утверждался на европейском континенте начиная с XIV–XV вв. и послужил фундаментом для развития современной Европы. Несмотря на то что детали этого порядка к настоящему времени стали архаичными и имеют главным образом исторический интерес, «дух Ганзы», под которым следует понимать волю к мирному сотрудничеству, взаимообмен в сферах культуры и экономики, востребован в современной Европе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

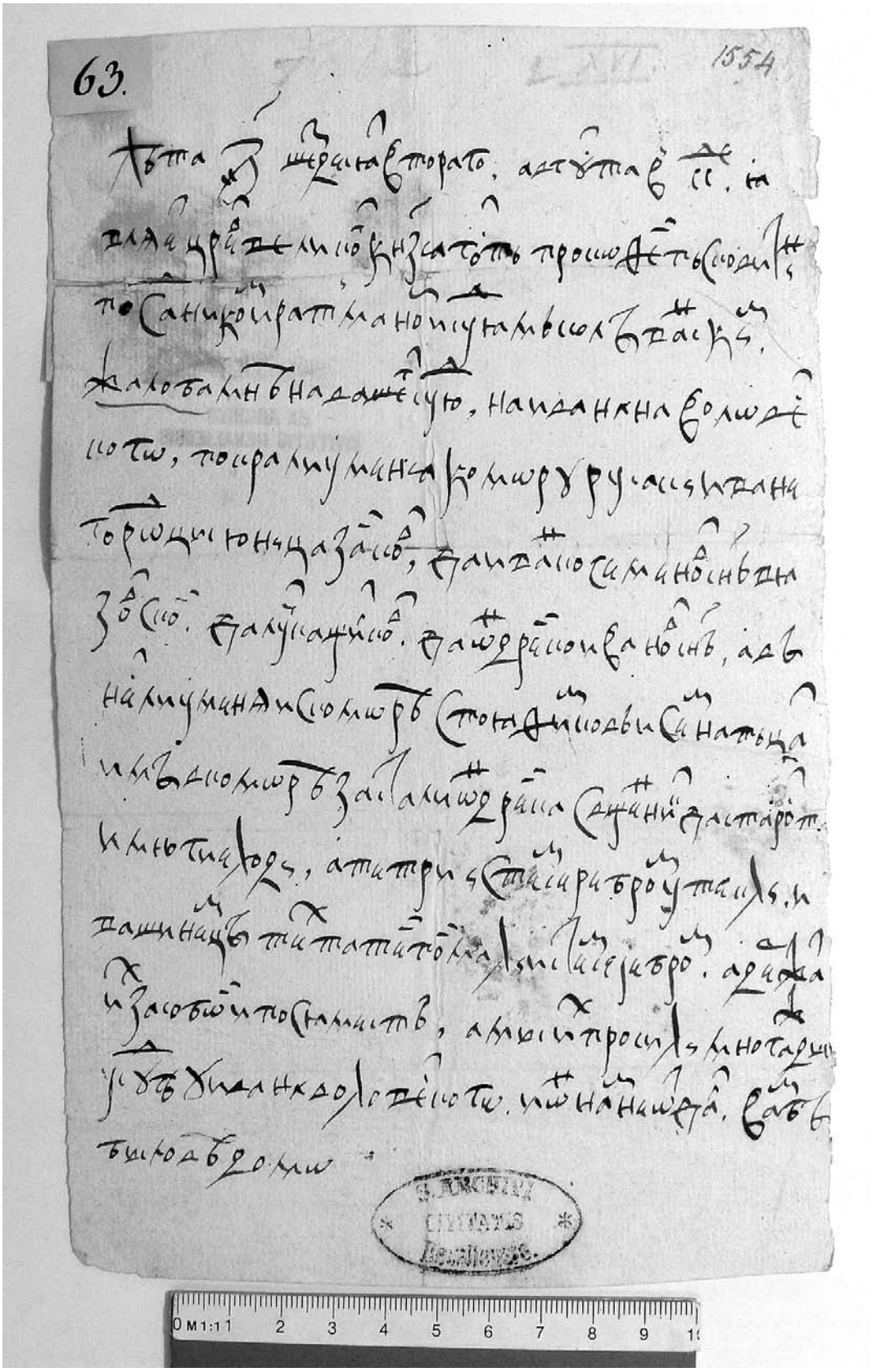
Документы городского архива Таллина о торговле ганзейских городов с Псковом

№ 1

1554 г., августа 20. Жалоба гостя Прокофия псковитина на судью Ревеля.

Лета 7062 августа в 20 день, являет царев великого князя гость Прокофеи псковитин посадником, и ратманом и судьям колыванским. Жалоба мне на вашего судью на Ивана на Воловецкого. Покрали у меня комору русаки иванегородцы Янца Заиков, да Иванко Семенов сын Вязовскои, да Лучка Щилков, да Ондреико Иванов сын, а вынели у меня ис коморе сто яфимков и семнатцать, и мы в коморе застали Ондреика: священник, да староста и многие люди, а те три и с тем серебром утекли, и ваши немцы тех татеи поимали и с тем серебром, а держат их за собои и по ся мест, а мы их просили многажды у судьи у Ивана Воловецкого, и он нам не отдал. Вам бы было ведомо.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 63. Подлинник. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 63. Стб. 111–112.


63.
1554

№ 2

1558 г., июля 21. Грамота псковского наместника П.И. Шуйского в Ревель с извещением о присяге жителей Дерпта Ивану IV и требованием также переходить в подданство России.

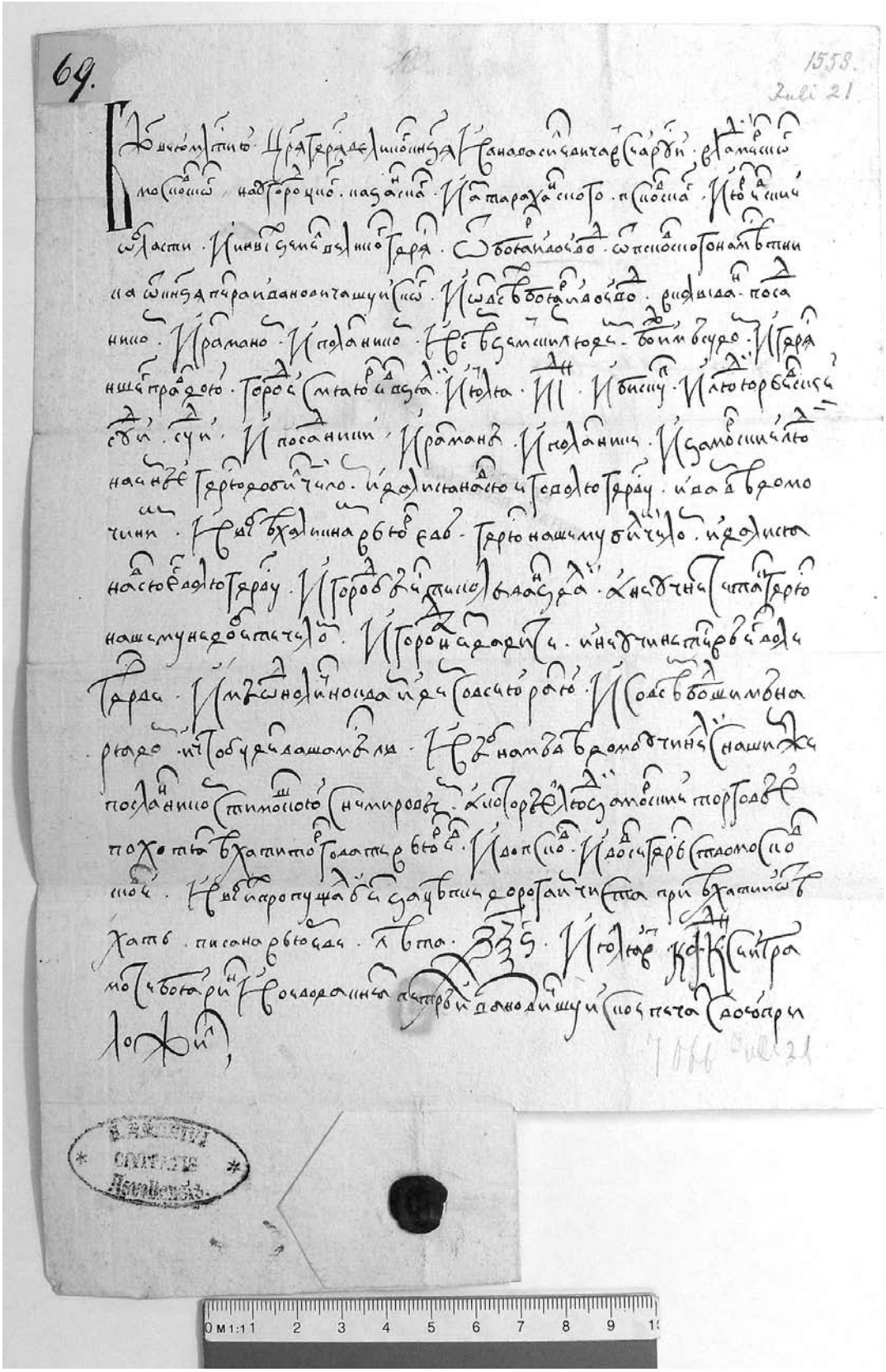
Божиею милостию, царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, Владимирского, Московского, Ноугородцкого, Казанского и Азтараханского, Псковскаго и Юрьевские области, и иных земель великого государя от бояр и воевод, от псковского наместника от князя Петра Ивановича Шуйского и от всех бояр и воевод в Колывань, посадником и ратманом и полатником и всем земским людем. Божьим судом и государя нашего правдою город есмя Юрьев взяли июля 18 день, и бискуп, и люди юрьевские, судьи судьи[1], и посадники, и ратманы, и полатники, и заморские люди наезные государю добили челом, и далися на всю его волю государеву. И вам ведомо чиним, и вы б ехали к нам в Юрьев, государю нашему били челом и далися на всю его волю государеву, и город бы есте Колывань здали, а не учнете так государю нашему, не добьете челом, и города не здадите, и не учинитесь в его воли государеве, и мы однолично к вам идем со всею ратью и со всем большим нарядом, и что будет ваша мысль, и вы б нам ведомо учинили с нашим же посланником с Тимошкою с Немировым, а которые люди заморские торговые похотят ехати торговати в Юрьев и во Псков и во все государство Московское, и вы б их пропущали без зацепки, дорога им чиста, приехати и отъехать. Писана в Юрьеве лета 7066 июля в 21 день. К сеи грамоте боярин и воевода князь Петр Иванович Шуискои печать свою приложил.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 69. Подлинник.
К грамоте привешена черновосковая перстневая печать с изображением человеческой фигуры в рост.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 69. Стб. 119–122.

[1] В ркп. *судьи* повторяется.

69.

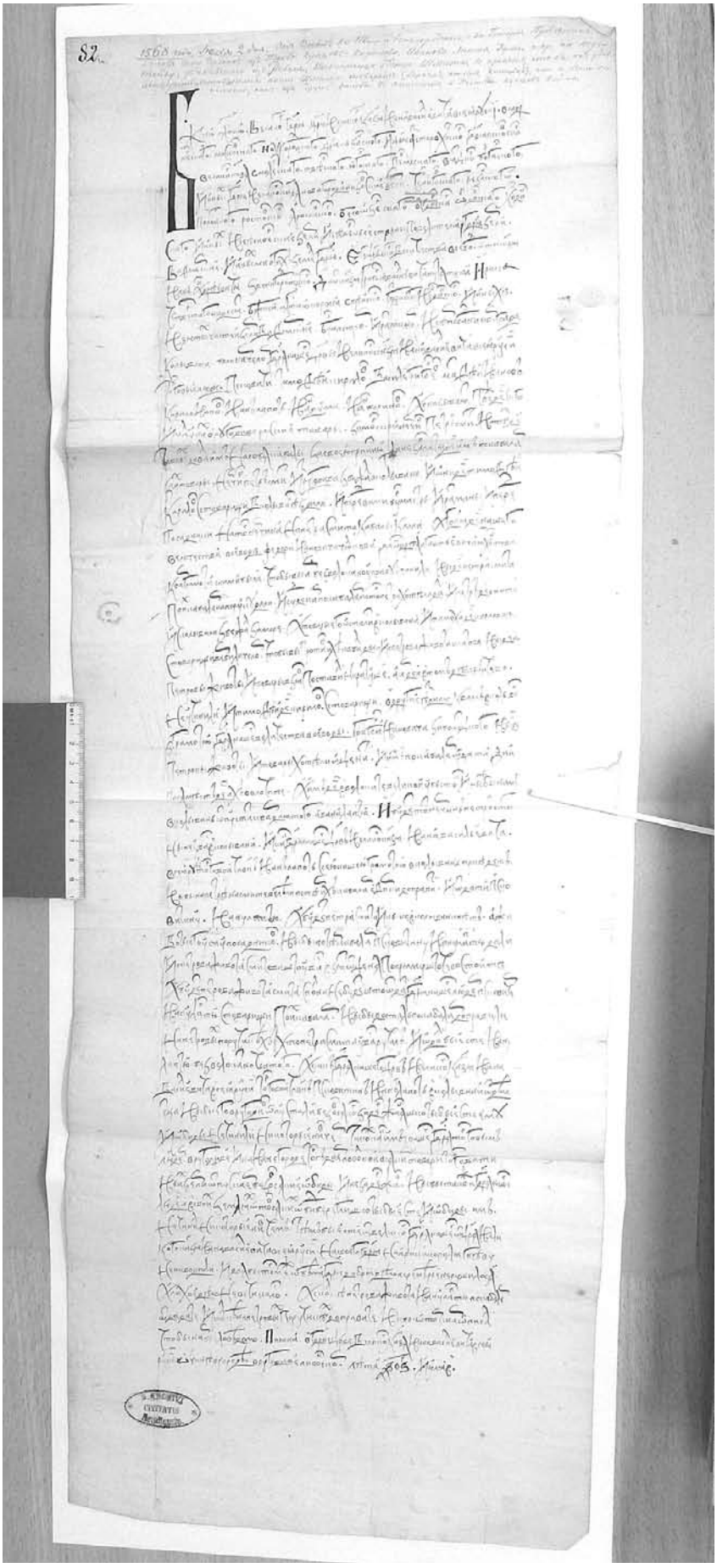
1558.
Juli 21



№ 3

1568 г., июля 2. Грамота ивангородских воевод в Ревель о возмещении убытков псковских купцов товарами сбежавшего за море немецкого купца.

Божиею милостию, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии Владимирскаго, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, и царя Азтороханского, государя Псковского, великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговскаго, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Обдорскаго, Кондинскаго и иных и всея Сибирские земли, и северные страны повелителя, государя земли Вифлянские и иных многих земель государя его царьского величества воевод ото князя Ивана Андреевича Звенигородского да от князя Григорья Васильевича Путятина, Ирика четвертагонадесять божиею милостию короля свейскаго, готцкого и венденского и иных взятых частей земли Вифлянские бурмистром и ратманом и всем посадником града Колывани. Били нам челом государя нашего царевы и великого князя Ивана Васильевича всея Русии торговые люди псковичи Тимофеи Кирилов, Василеи Григорьев, Матфеи Иванов, Кирило Иванов, Иван Лапоть, Иван Дума, Иван Боранов, а сказывают: преж деи сего имал у них в Ругодиве руские товары заморскои немчин Петр Смит, и в тех деи товарех давал им на собя кабалы за своею приписью, да не заплатя деи им по кабалам за их товары немчин Петр Смит из Ругодива збежал в Колывань, и они деи Тимофеи Кирилов с товарищи, в Колывань ездили, и перед вами бурмистры и ратманы и перед посадники на того немчина на Петра Смита кабалы клали, а государя деи нашего величества воевод Федора Ивановича Чюлкова да Ондрея Игнатьевича Яхонтова к вам грамота с ними была, чтобы вы им безволокитно управу учинили, и вы деи Петра Смита по их кабалам на поруку дали, и суд деи им по кабалам на того Петра хотели дать, и Петр деи Смит ис Колывани збежал за море, а товары его остались в Колывани. И Тимоха деи Кирилов с товарищи вам били челом, чтобы вы против их кабал дали ис петрова живота смитова, и вы деи петровы животы и товары взяв, поставили на ратуше, а им деи в том деле ничево не учинили, и Тимофеи деи Кирилов с товарищи в другие ездили к вам в Колывань з грамотою государя нашего величества воеводы Григорья Ивановича Заболотцкого, и вы деи петровы животы и товары хотели оценити и им по кабалам отдати, и да и по ся мест деи их волочите, и им деи в волоките великои убыток, и ныне бы нам в Колывань отпустити к вам для того дела Ивана Лаптя, и будет тот немчин Петр Смит ныне у вас в Колывани, и как государя нашего царев и великого князя Ивана Васильевича всея Русии торговои человек Иван Лапоть с сею нашею грамотою в Колывань приедет, и вы бы на Петре на Смите велели по



тем их кабалам ефимки доправити и отдати псковитину Ивану Лаптю, а будет Петра Смита и ныне в Колывани нет, а животы его у вас у посадников, и вы бы по тым кабалам псковитину Ивану Лаптю дали ис петрова живота смитова, что у вас взять, отценя попряму, што чево стоит. А будет петрова живота Смита сполна не будет, што отдати государя нашего людем псковичем Ивану Лаптю с товарищи по их кабалам, и вы бы досталь по кабалам доправили на петровых поручикех, хто Петра Смита у вас ручал, и отдали бы есте Ивану Лаптю безволокитно часа того, а как государя нашего царев и великого князя Ивана Васильевича торговои человек псковитин Иван Лапоть в Колывани отделаетца, и вы бы его в Ругодив отпустили безо всякого задержанья, шкоты бы есте ему и обиды не чинили никоторые ни в чем, також как и мы вашего государя торговым людем в Ругодиве и на Иванегороде торг даем поволнои всякими товары торговати, и в их земли отпускаем безо всякие обиды и не задержав, и вы бы також и государя нашего людеи в своих землях ото всяких обид берегли, шкоты бы есте и обиды им не чинили никоторые ни в чем, тем бы есте от великого государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии на своего государя на Ирика короля гневу не наводили и для бы того меж обема государи доброе дело перемирье не рушилося, а лихое дело не всчиналось. А сколько петрова живота Ивану Лаптю по кабалам отдадите, и сколько на петровых поручикех доправите, и вы бы о том к нам отписали, чтобы нам было ведомо. Писана в государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всея Руси очине в городе в Ругодиве Ливонском лета 7076 июля 2.

На обороте:

Ирика четвертагонадесять Божие милостию короля свеиского, готцкого и вендинского и иных и взятых частеи земли Вифлянские бурмистром и ратманом и всем посадником града Колывани.

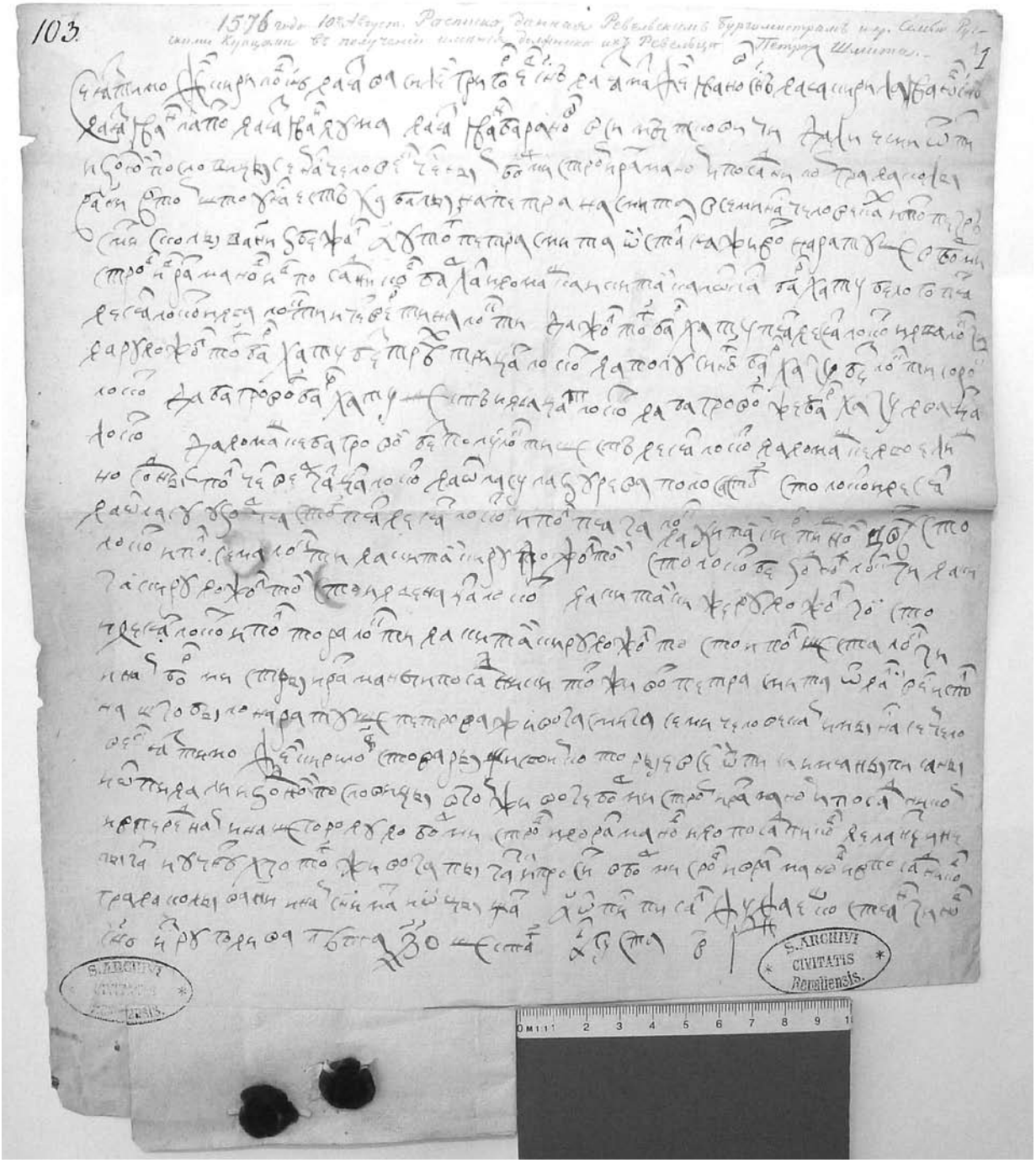
Таллинский городской архив. ВН 30 № 82. Подлинник.
Надпись по латыни: ilm io July 14 68 K Anno 1568
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 83. Стб. 159–162.

№ 4

1568 г., августа 10. Расписка семи псковских купцов в получении товара.

Се яз, Тимофеи Кирилов сын, да яз Василеи Григорьев сын, да яз Матфеи Иванов сын, да яз Кирила Иванов сын, да яз Иван Лапоть, да яз Иван Дума, да яз, Иван Баранов, вси мы псковичи, дали есми отпись из однои пословицы, семь нас человек, чесным бормистром и ратманом и посадником града Колывани в том, што у нас есть кабалы на Петра на Смита в семи нас человеках, и тот Петр Смит с Колывани збежал, а у того Петра Смита остался живот на ратуше в бормистров и ратманов и в посадников бархат, и домашка, и китаика, и отлас: бархату белого пятьдесят локоть и два локти и четвертина локти, да жолтого бархату пятьдесят локоть и два локти, да рудожолтого бархату без трех трицать локоть, да полусинего бархату без локти 40 локоть, да багровова бархату шесть и двацать локоть, да багрового же бархату двацать локоть, да домашке багровои без полулокти шестьдесят локоть, да домашке двоелишнои с одним полчетвертатцать локоть, да отласу лазурева полосатого сто локоть и десять, да отласу узорчястого пятьдесят локоть и пол-пята локтя, да китаики кирпишнои цвет сто локоть и пол-сема локти, да китаики рудожолтои сто и двенацать локоть, да китаики же рудожолтои сто и десять локоть и полтора локти, да китаики рудожолтои сто и полшеста локти. И нам бормистры и ратманы и посадники тот живот Петра Смита отдали весь и сполна, што было на ратуше петрова живота Смита семи человекам, и мы, нас семь человек, яз, Тимофеи Кирилов с товарыщи своими, которые в сеи описи имяны писаны и отпись дали из однои пословицы в том животе бормистром и ратманом и посадником, и вперед нам и нашего роду до бормистров и до ратманов и до посадников дела нет и не пытать, и учнут хто того живота пытати и просить в бормистров и в ратманов и в посадников града Колывани, и нам снимать и оцыщать. А отпись писал Фуфаец Костянтинов сын из Ругодива лета 7076 августа в 10 день.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 103. Подлинник. Привешены две восковых печати.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 103. Стб. 211–214.

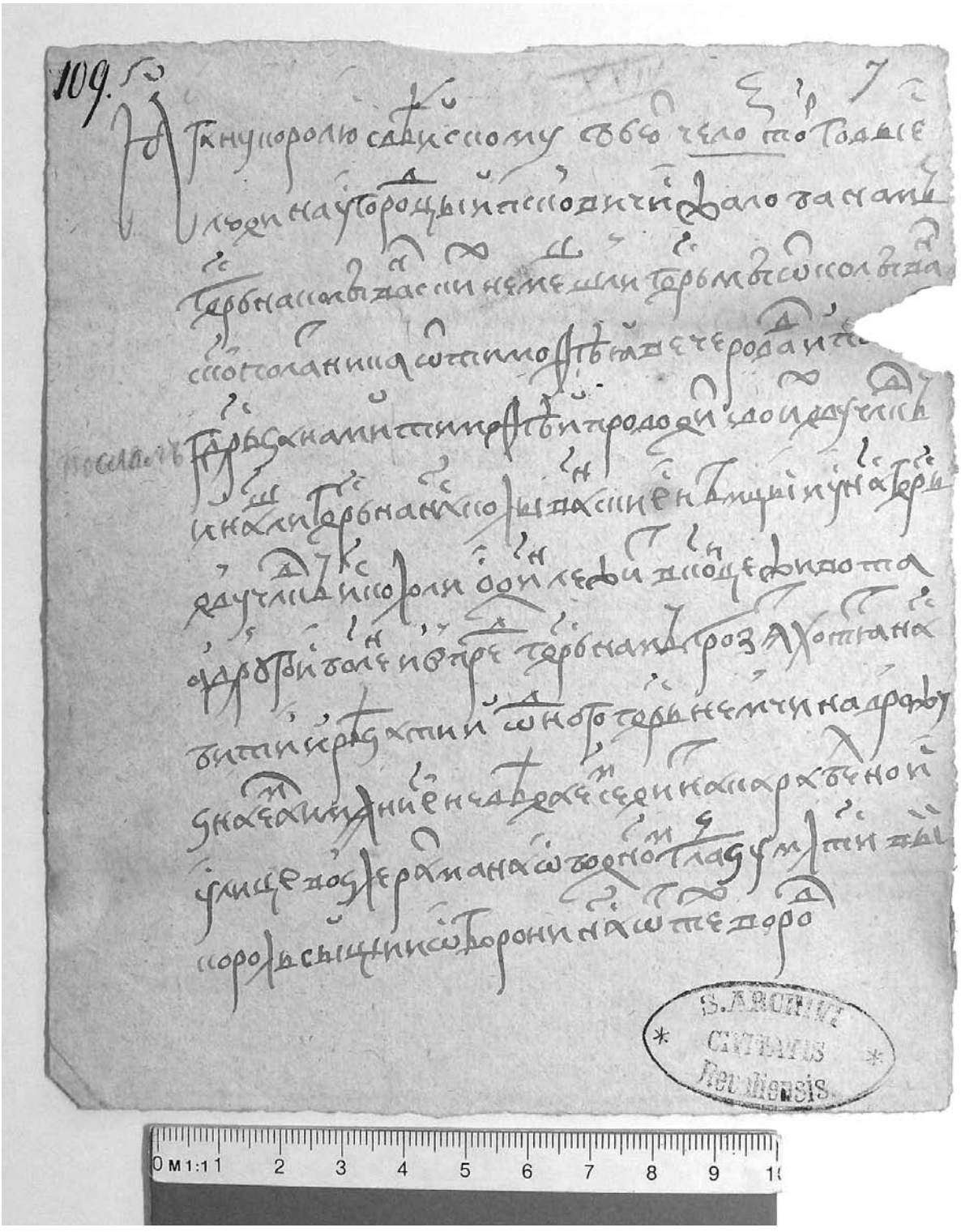

S. ARCHIVI
CIVITATIS
Revaliensis.

№ 5

После сентября 1568–1570 гг.
Жалоба новгородских и псковских купцов шведскому королю Иоганну III.

Ягану королю свейскому бьют челом торговые люди наугородцы и псковичи. Жалоба нам, государь, на колыванских немец. Шли, государь, мы от колыванского полатника от Тимофея вечеровав, да и по[слал] государь за нами Тимофеи проводить своих дву человек, и нашли, государь, на нас колыванские немцы, и у нас государь дву человек искололи, один лежит в конце живота, а другои болен, и впредь, государь, нам грозят, хотят нас бити и резати, и одного государь немчина в рожу знаем, а имяни его не ведаем, сидит на Корабелнои улице возле ратмана об одном глазу. Милостивыи король, сыщи и оборони нас от тех воров.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 109. Подлинник. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 108. Стб. 219–220.


109.
S. ARCHIVI
CATHARIS
Rev. Mensis.

№ 6

1569 г., марта 2. Грамота ругодивского наместника кн. И. А. Звенигородского бургомистрам Ревеля о конфликте псковского купца В. Скорнякова с нарвским купцом Константином Христофоровым.

Божиею милостию, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Владимерского, Московскаго, Ноугородцкаго, царя Казанскаго, царя Астороханского, государя Псковского, великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкаго, Болгарскаго и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговскаго, Резанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославскаго, Белозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго и иных, и всее Сибирские земли и северные страны, повелителя и государя земли Вифлянские, и иных многих земель государя от его царьского величества воеводы и наместника ругодивского от князя Ивана Андреевича Звенигородцкого, Ягана Свейского, Готцкого и Вединскаго и иных, избранного короля бурмистром и ратманом и посадником града Колывани. Бил нам челом преж сего государя нашего царев и великого князя ругодивскои немчин Костянтин Христофоров. Нынешнего деи 77 году в декабре быв де он Костянтин в Колывани, а товар деи был у него лен, и поедучи деи он ис Колывани, тот лен продал немчину торговому человеку Индрику Фенкину, кучею на любовь, как лежал, а не в весе, по ругодивскому весу по старому, а в Колывани деи не весили, и письмо деи он ему дал своею рукою для очистки и за своею печатью, и приехал деи он в Ругодив декабря в 26 день, и после деи его Костянтина, стакався сопча руские торговые люди, хотячи его изубытчити, велели псковитину Василью Скорнякову за тот его лен, напрасно поклепав, иматца. И псковитин деи Васка Скорняков за тот лен изымался, а называет тот лен своим, и мы к вам преж сего в феврале о том костянтинове товаре писали, чтоб вы костянтинов лен Христофорова, которои стоит у вдовы у Катерины в коморе, велели отдати немчину Индрику Фенкину часа того безволокитно, а Васке б белочнику того костянтинова лню однолично не отдавали, а вперед бы есте меж государя нашего царевых и великого князя людей управ никоторых не чинили и не судили их ни в каких делех, а ко…[2] делех управы просити на государя ж нашего людей, и вы бы тех людеи не розслушивая отсылали к нам. И марта в 14 день писали естя к нам о том костянтинове лну, что вы про тот костянтинов Христофорова лен сыскивали, и по вашему бутто ся сыску костянтинов лен, что он продал в Колывани немчину Индрику Фенкину, довелся отдати псковитину Васке Скорнякову, и Костянтину бы для того ехати в Колывань и тот лен очистити, а не приедет Костянтин в Колывань, и вы то дело по своему суду вершите, и тот лен отдадите псковитину Васке Скорнякову, и без Костянтина. И вы то чините не гораздо: мы к вам наперед сего писали и не одинова, чтобы вы меж государя нашего людеи сыску и управ никоторых не чинили, и вы государя нашего людеи в Колывани судите, и управы меж их чините неподельно, и шкоты и обиды им чините многие, и за то меж обемя государи брань вчинаете, и вы бы вперед так не чинили, государя нашего царя и великого князя людеи велели в государя своего земле во всех городех беречи, а не обидети, и управ бы естя меж государя нашего людеи вперед однолично не чинили никоторыми делы, а в каких

[2] В ркп. утрата половины строки.

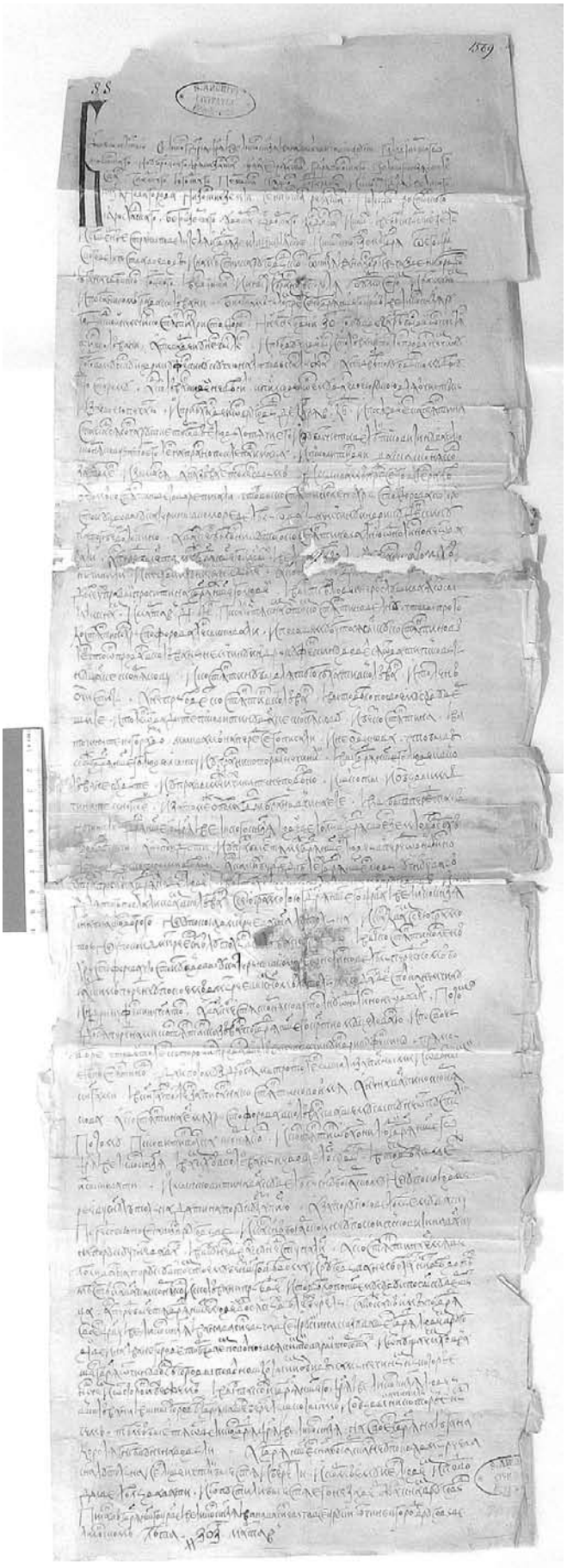
будет делех государя нашего люди учнут у вас управ просити на государя нашего людеи, и вы б тех людеи отсылали к нам в Ругодив, и мы для того послали к вам в Колывань сею грамотою государя нашего царя и великого князя сына боярского доброго Неупокоя Дмитриева сына Лутохина, и как к вам с сею грамотою Неупокои Дмитриев сын Лутохин в Колывань приедет, и вы б костянтинов лен Христофорова, что стоит у вдовы у Катерины в коморе, однолично велели перед сыном боярским перед Неупокоем Дмитриевым сыном Лутохина отдати весь сполна немчину Индирку Фенкину, часа того, а Васке б естя Скорнякову того лну однолично не отдавали, потому: здеся перед нами Костянтин сказывал, по государя нашего крестному целованью и по своей вере, что деи тот лен, которои он продал в Колывани немчину Индирку Фенкину, прямои его костянтинов, да и потому здеся мы про тот лен сыскали записными и отвозными книгами, и в книгах тот лен записан на костянтиново имя, а не на васкино Скорнякова, а Костянтина есмя Христофорова в Колывань к вашему сыску не отпустили, потому: псковитин Васка Скорняков и Костянтин оба они люди государя нашего царя и великого князя и вам их в Колывани не довелось судити и в том деле меж их сыскивати. И мы псковитина Васку велели сыну боярскому Непокою Дмитрееву сыну Лутохина дати на поруку з записью, а за порукою велели ему Васку перед собою поставити в Ругодиве, и как сын боярскои Неупокои псковитина Васку на поруку учнет давати, и вы б у него в Васку не вступались, а Костянтина есмя велели дати на поруку в том, что ему без нашего ведома из Ругодева не съехати нигде до тех мест, как Васка Скорняков ис Колывани приедет, и то дело по нашему суду и по сыску вершитца, а вперед бы естя государя нашего людеи во всяких делех берегли тако ж, как и мы по государя своего цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси наказу вашего государя людем в Ругодиве и на Иванегороде торг даем поволнои всякими товары торговати и отпущаем их в вашего государя отчину во все городы поволно, шкоты им и обиды сами не чиним никоторые ни в чем, и от сторонних бережем, и вы б також и государя нашего царя и великого князя людеи в Колывани и в ыных городех государя вашего берегли, шкоты им и обиды не чинили никоторые ни в чем, тем бы естя от великого государя царя и великого князя на своего государя на Ягана короля гневу не наводили, а государя нашего сына боярского Неупокоя Дмитреева сына Лутохина и его людеи чтили бы естя и берегли, и корм ему и его людем и подводы велели давати, и отпустили бы естя его не задержав к нам в Ругодив.

Писана в государя нашего городе и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии отчине в городе в Ругодиве Ливонском лета 7077 марта 2-го.

На обороте: Бормистром и ратманом и посадником града Колывани. [Неразборчивая припись на латинском языке.]

К оборотной стороне подклеен немецкий перевод отписи.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 88. Подлинник.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 88. Стб. 171–178.



№ 7

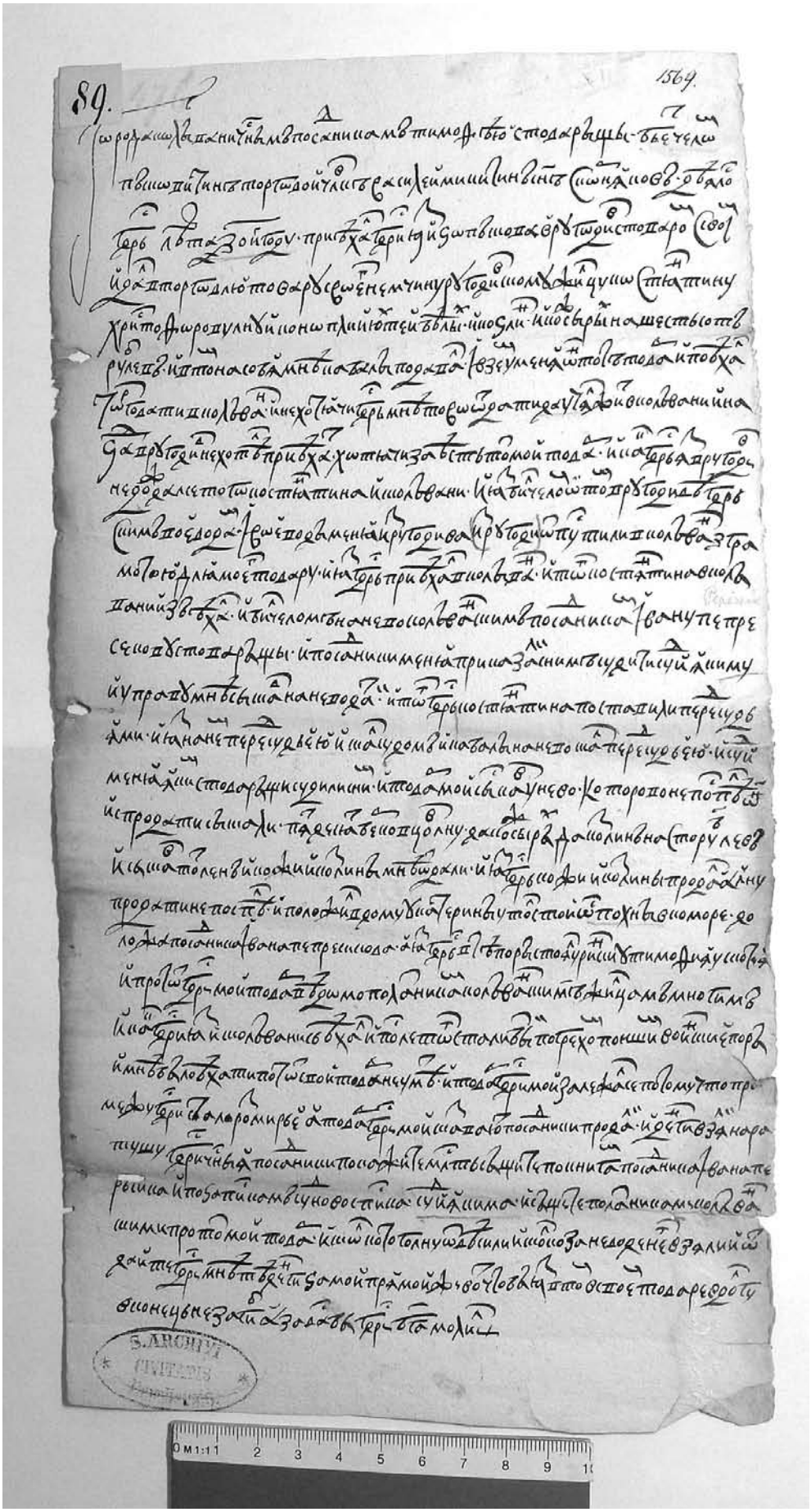
1569 г. Челобитная псковского купца В. Н. Скорнякова на купца из Нарвы К. Христофорова по поводу конфликта из-за льна.

Города Колывани чесным посадникам Тимофею с товарыщи бьет челом псковитин торговои человек Василий Микитин сын Скорняков. Деялось, государь, лета 7078 году, приехал, государи, яз изо Пскова в Ругодив с товаром своим и дал в торговлю товару своего немчину ругодивскому жилцу Костянтину Христофорову лну и конопли, юхтей белых и козлин и кож сырых на шестьсот рублев, и в том на собя мне кабалы подавал, и взем у меня он тот товар, и поехал торговати в Колывань, и не хотячи государи мне тово отдати, да учал жить в Колывани и назад в Ругодив не хотел приехать, хотячи заесть тот мой товар, и как государь яз в Ругодиве не дождалсе того Костянтина ис Колывани, и яз бил челом о том в Ругодиве государским воеводам, и воеводы меня из Ругодива из Ругоди[3] отпустили в Колывань з грамотою для моего товару. И яз, государь, приехал в Колывань и того Костянтина в Колывани изъехал, и бил челом на нево колыванским посадникам Ивану Пепресекову с товарыщи, и посадники меня приказали с ним судити судьи Якиму и управу мне сыскав на него дати, и того, государь, Костянтина поставили перед судьями, и яз на нем перед судьею искал судом, и кабалы на него клал перед судьею.

И судьи меня Яким с товарыщи судили с ним, и товар мои сыскав у нево, которово не поспел он испродати сыскали: пятьдесят берковцов лну, да кож сырых, да козлин на сто рублев, и сыскав тот лен и кожи и козлины, мне отдали, и яз государь кожи и козлины продал, а лну продати не поспел и положил в дому у Катерины у толстои оспохны в коморе, доложа посадника Ивана Пепресекова, а яз государь в те поры стоял у ринки у Тимофея у Скотея и про тот государи мои товар ведомо полатником колыванским жильцам многим, и как государи яз ис Колывани съехал, и после того стали быти по грехом по нашим воинские поры, и мне было ехати по тот свои товар не умети, и товар государи мои залежалсе потому, что промежу государи стало розмирье, а товар, государи мои, сказывают посадники продали и денги взяли на ратушу. Государи чесныя посадники, покажите милость, сыщите по книгам посадника Ивана Пересика и по запискам судново списка судьи Якима, и сыщите полатниками колыванскими про тот мой товар, и сколко того лну отвесили, и сколко за нево денег взяли, и отдаите государи мне те денги за мой прямой живот, чтобы яз в том своем товаре в долгу в конец не загиб, а за вас бы, государи, Бога молил.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 89. Подлинник.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 89. Стб. 177–180.

[3] Так в ркп.



№ 8

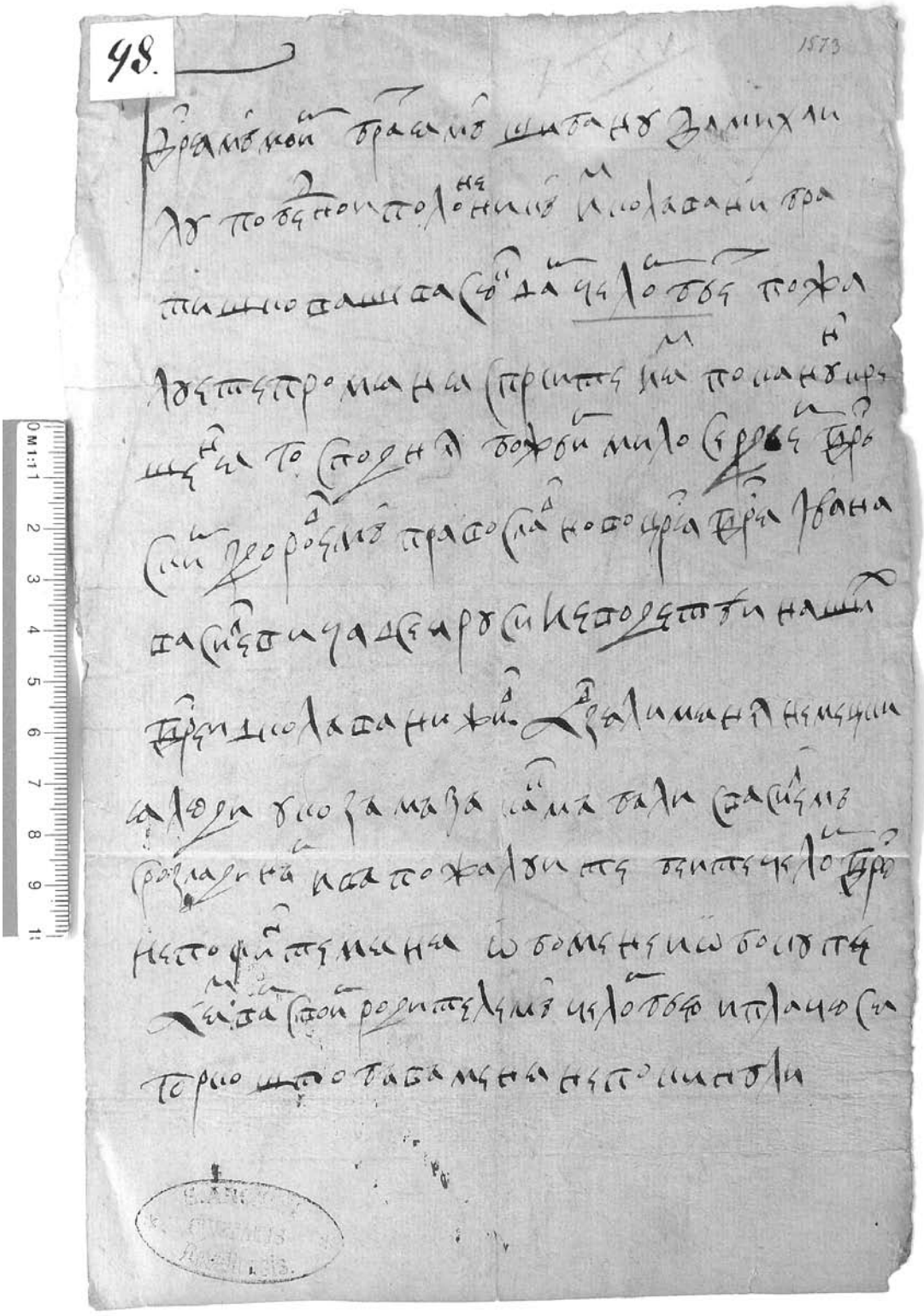
1573 г., янв. 5. Письмо псковского помещика Василия Алексеева сына Неклюдова, оказавшегося в плену в Ревеле, к своим братьям Шибану и Михаилу Неклюдовым.

Государям моим братьям Шибану да Михаилу, победнои полоненик ис Колывани братишко ваш Васюк вам челом бьет. Пожалуете про мяня, спросите, и яз по канун Крещенья Господня Божьим милосердьем государьским здоровьем православново царя государя Ивана Васильевича всея Руси и ево детеи наших государей, в Колывани жив. А взяли меня немецкия люди у Козы мызы, как мы были с Васильем с Розладиным, и вы пожалуите, беите челом государю, не покинте меня, об мене и об окупе, а яз вам своим родителем челом бью и плачюся горко, штобы вы меня не покинули.

На обороте: Дать ся граматка псковским помещиком Шибану да Михаилу Олексеевым детем Неклюдова.

Припись латиницей неразборчиво, с датой
73 J 5 Jianvy.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 98. Подлинник. Припись латиницей неразборчиво, с датой 73 J 5 Jianvy. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 98. Стб. 199–200.


98.
1573

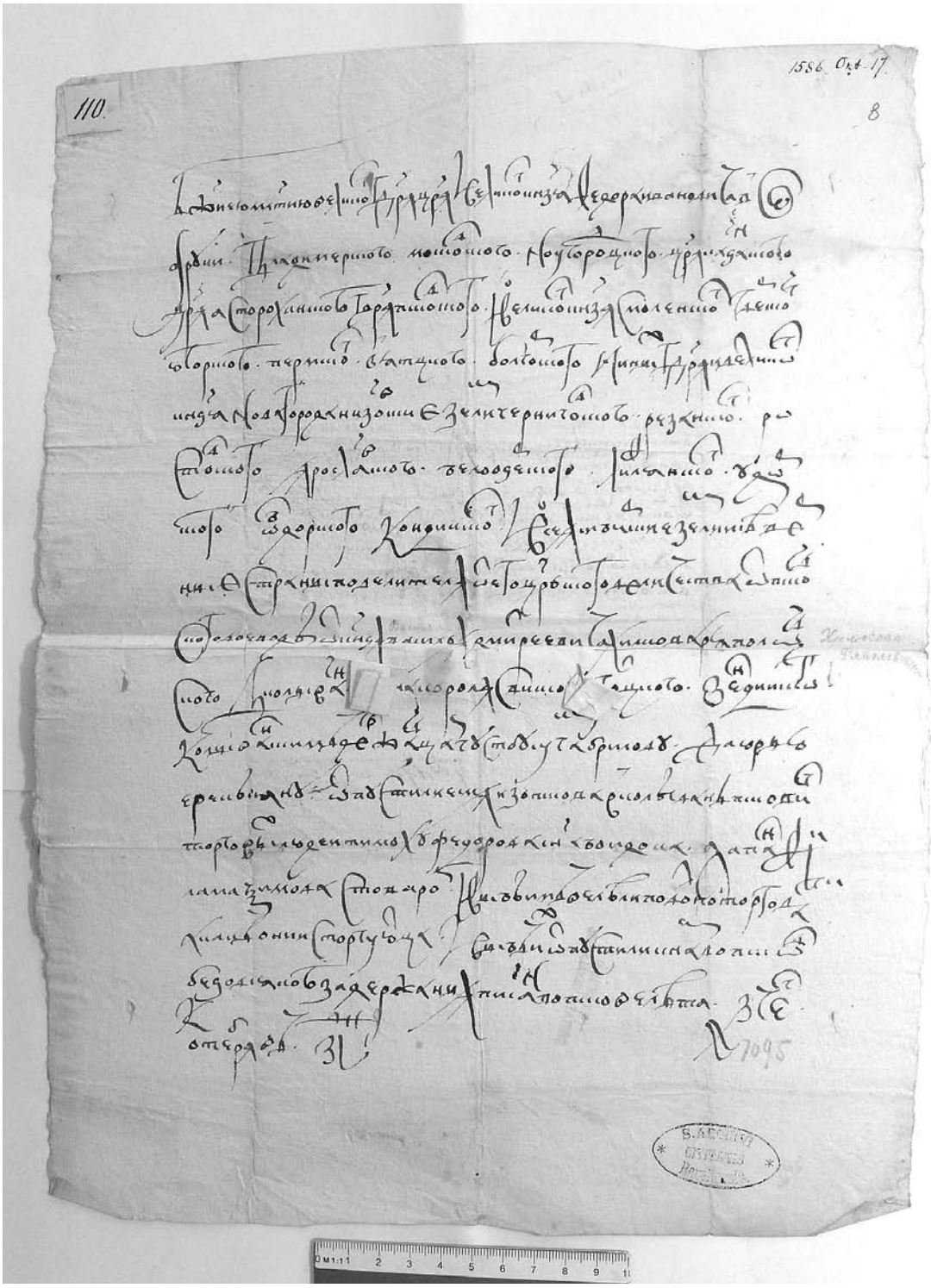
№ 9

1586 г., октября 17. Грамота псковского воеводы кн. В.Д. Хилкова-Ряполовского властям Ревеля.

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии Владимерского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Астороханского, государя Псковского, и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирские земли и северные страны повелителя от его царского величества от псковского воеводы от князя Василья Дмитреевича Хилкова-Ряполовского в Колывань Ягана короля Свиского, Готцкого, Вендинского колыванским державцам Густаусу Габрилову до Юрью Ерексану. Отпустили есмя изо Пскова в Колывань псковичь торговых людеи Тимоху Федорова сына Боидока да Панфила Максимова с товаром, и вы б им велели поволно торговати, а как они исторгуютца, и вы б их отпустили к нам во Псков безо всякого задержания. Писана во Пскове лета 7095-го октебря в 17 день.

На обороте: Божиею милостию великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии Владимерского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Астороханского, государя Псковского, и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирские земли и северные страны повелителя от его царского величества от псковского воеводы от князя Василья Дмитреевича Хилкова-Ряполовского в Колывань Ягана короля Свиского, Готцкого, Вендинского колывнским державцам Густаусу Габрилову до Юрью Ерексану.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 110. Подлинник. Припись на немецком с датой «86». Привешена черновосковая печать с изображением сидящей женской фигуры. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 109. Стб. 219–222.



№ 10

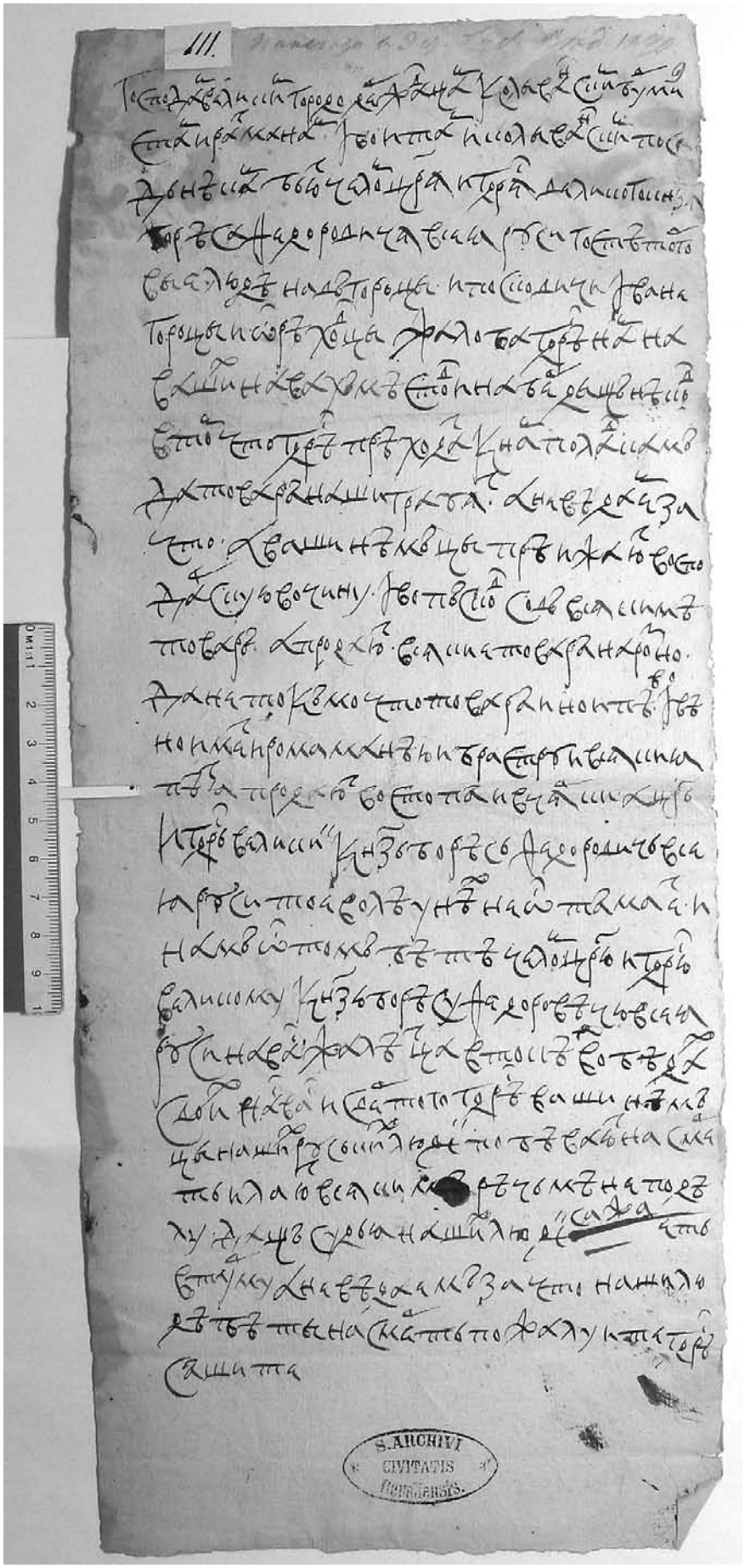
1598–1605 гг. Грамота русских купцов властям Ревеля с жалобой на злоупотребления немецких купцов в Ревеле и русских землях.

Господам великим горододержавцам колыванским бурмистам[4] и ратманам и воитам и колыванским посадникам бьют челом царя и государя великого князя Бориса Федоровича всея Руси гости торговые люди навгороцы[5] и псковичи, иванегороцы[6] и ореховцы. Жалоба, государи, нам на ваших на вахмистов[7] и на бердщников в том, что, государи, приходят к нам по лавкам да товары наши грабят, а не ведомо за что, а ваши немцы приижают в осподарскую вочину[8] и во Псков со всякими товары, а продают всякие товары нарозно, да не токмо что товары, ино и пиво, и вино, и мет[9], и романью, и брастру и всякия питья продают во стопы и в чярки, а царь и государь великий князь Борис Федорович всея Руси тое воли у них не отымает. И нам о том бить челом царю и государю великому князю Борису Федоровичу всея Руси на вас жалитца в токих во бедах своих на вас, и свер[10] того государи ваши немцы наших руских людей побивают насмерть и лают всякими речми не по делу, да щъ[11] судья наших людеи сажает в турму, а не ведаем за что наши люди биты на смерть. Пожалуйте, государи, сыщите.

Без подписей и следов печати.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 111. Подлинник. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 110. Стб. 221–224.

[4] Так в ркп.
[5] Так в ркп.
[6] Так в ркп.
[7] Так в ркп.
[8] Так в ркп.
[9] Так в ркп.
[10] Так в ркп.
[11] Так в ркп.


III.
S. ARCHIVI
CIVITATIS
PISTORIENSIS

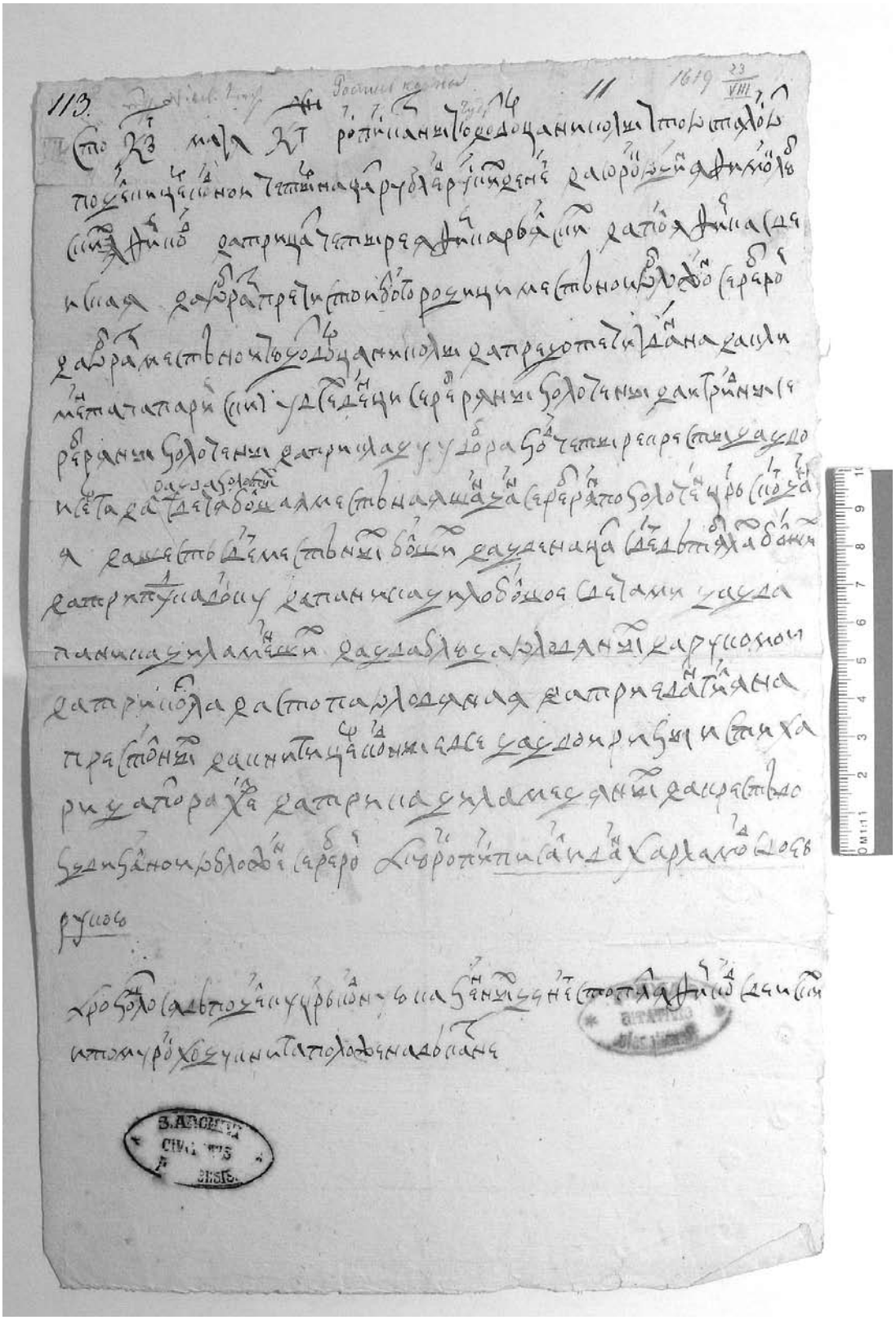
№ 11

1619 г., мая 23. Роспись казны церкви Николая Чудотворца в Ревеле.

127 мая 23 день роспись казны Чюдотворца Николы, что осталось от поделки церковнои: четырнацать рублев руских денег, да 41 яфимок любских яфимков, да 34 ефимка реялских, да пол-яфимка свеиская, да образ Пречистои Богородицы, местнои, обложон серебром, да образ местнои Чюдотворца Николы, да Предотечи Иванна, да Климента папа Римскии, у всех венци серебряны и золочены, да и гривны серебряны и золочены, да прикладу у вобразов четыре кресты, да двои серги, да два золотых, да свечя большая местная, шандан серебрян позолочен царского данья, да шесть свеч местных больших, да двенацать свеч в тяблах болших, да три пудка воску, да паникадило болшое с свечами, да два паникадила менших, да два блюда оловяных, да рукомои, да три котла, да стопа оловяная, да три Евангилья напрестолных, да книги церковные все, да двои ризы и стихари, да потрахель, да три кадила медяных, да крест воздвижалнои обложен серебром. А роспись писал Иван Харламов своею рукою.

А розошлося в поделку церковную казенных денег сто пять яфимков свеиских, и тому росходу книга положена в казне.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 113. Подлинник. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 112. Стб. 225–226.

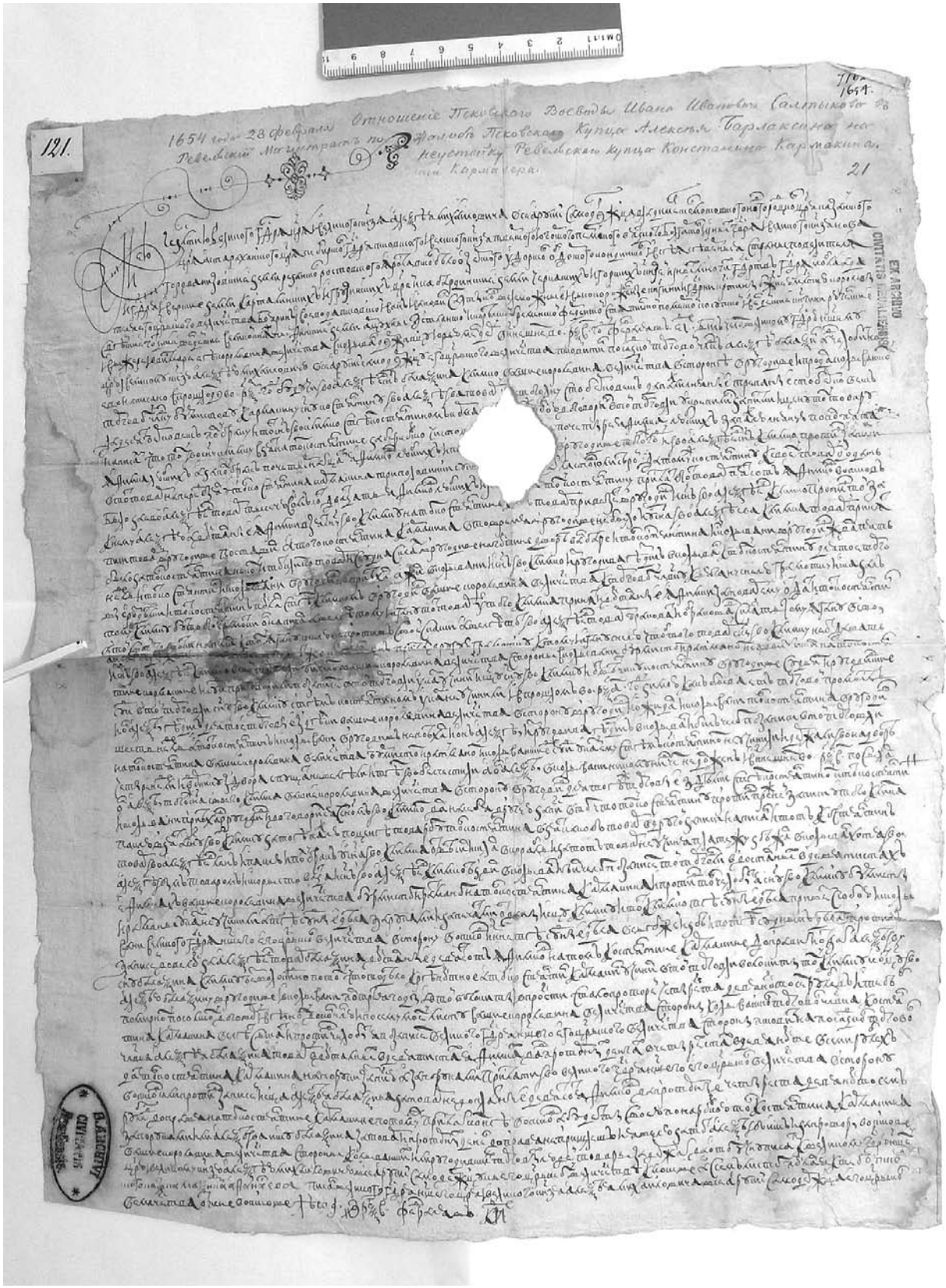


№ 12

1654 г., 28 февраля. Грамота псковского воеводы И.И. Салтыкова в Ревель «державцу» Юрию Мендеру по жалобе псковского купца Алексея Балаксина на неустойку ревельского купца Константина Кармакина.

Божиею милостию великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии Володимерского, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Азтороханского, царя Сибирского, государя Псковского, великого князя Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новгорода Низовские земли, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и иных многих государств государя и обладателя, его царского величества боярин и воевода псковскои Иван Иванович Салтыков велеможные и выскороженые княгини и государыни Кристины Божиею милостию королевы Свейские, Готцкие, Вендеиские, великие княжны Финские земли, арцухны Эсланскои и Корелскои и Бременскои, Ферденскои, Стятинскои, Померскои, Косупскои и Вендеиские княгини, Рюгенские и в Ыжоре и в Висмаре ее королевина величества в Колывань державцу Юрью Мендеру. В нынешнем во 162 году февраля в 15 день бил челом великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу его царского величества псковитин посадцкои торговои человек Алексей Балаксин, а в челобитнои его написано: в прошлом де во 160-м году, будучи ево алексеев сын Балаксина Климко вашие королевина величества в стороне в Ругодиве и продал колыванскому торговому человеку бурмистову Кармакину сыну Костянтину ево алексеева товару чистого лну сто берковеск, да пакли лняные трепаные сто берковеск, да десять берковеск полубраку, и тот сын ево Климко с тем Костянтином Кармакиным…[12] собою договорясь в той торговли укрепились записьми и цену тому товару написали, что тому ево сыну Климку взяти на том Костянтине за берковско чистого лна [по двадцать] по четыре яфимка любских, за паклю лняную по пол-пята яфимка любских, а за полубрак по четырнатцать яфимков любских и по…. в Ругодиве того ж году, и его алексеев сын Климко против тои записи в тот товар наперед взял у того Костянтина Кармакина три половинки сукна… ластов соли серой, да тому ж Костянтину, к своему товару, додать было за ево алексеев товар тысечу восемьсот дватцать яфимков любских… тому Костянтину прислати в тот товар пятьсот яфимков во Псков к нему Алексею, а достальные яфимки взять сыну его Климку на том Костянтине, как товар привезет в Ругодив. И сын ево алексеев Климко против тои записи товар в Ругодиве поставил, а того Костянтина Кармакина в Ругодиве в то время

[12] Здесь и далее отточием обозначен утраченный текст.



не было, и у сына ево алексеева Климка товару принять было за того Костянтина некому, и тот Климко товар ис судна склал в Ругодиве на гостине дворе в анбаре, и того Костянтина ис Колывани в Ругодив ждал пять недель, и тот Костянтин ис Колывани в Ругодив не приехал, а жил в Колывани, и сын его Климка из Ругодива ездил в Колывань к тому Костянтину для тое торговые розделки, и тот Костянтин послал с тем Климком в Ругодив вашие королевина величества к торговому человеку к Ягану Снелю грамотку, и сказал тому Климку, бутто в тои грамотке он написал, а велел тому Ягану тот товар у того Климка принять и достальные яфимки за товар ему отдати, и тот Костянтин в тои своеи грамотки написал к тому Ягану Снелю не против своеи скаски, а велел тот ево алексеев товар браковать и обраковав скласть к тому Ягану в свои анбар и держать тот товар год. А после того тот же Костянтин прислал другую грамотку к тому Ягану Снелю, чтоб того товару сыну его Климку не отдавать, и сын ево алексеев Климко в тои торговли бил челом вашеи королевина величества стороны в Колывани бурмистрам и ратманом, и судом искал на том Костянтине Кормакине, и судьи приговорили: по записем в тои торговли указ учинить исцу, сыну ево Климку и ответчику Костянтину в Ругодиве судьям, и ругодивские судьи в тои торговли сыну ево Климку с тем Костянтином указу не учинили, и в прошлом во 161 году зимою, как бывает торговыи промысел, и он Алексеи ездил для тое торговые зделки в вашие королевина величества сторону в Ругодив и ожидал ис Колывани того Костянтина в Ругодиве шесть недель, а тот Костянтин ис Колывани в Ругодив не поехал, и он Алексеи из Ругодива ездил в Колывань и бил челом по записи в тои торговли на того Костянтина вашие королевина величества бурмистром и ратманом, и колыванские судьи указа ему с тем Костянтином не учинили, и держали ево во дворе четыре недели, и дворнику з двора спущать не велели, и тем его бесчестили, а он Алексеи в Колывани никому ни в чем не должен. И в нынешнем во 162 посылал он Алексеи того ж сына своего Климка вашие королевина величества в сторону в Ругодив для тое ж торговые зделки с тем Костянтином, и тот Костянтин ис Колывани приехав в Ругодив и договорился с сыном ево Климком, дал на себя другую запись в том, что тому Костянтину против прежнеи записи у того Климка паклю ево взять, а сыну ево Климку за тое паклю по цене товару у тово Костянтина взять, каков товар в другои записи написан, и тот Костянтин товар ево алексеев лен и паклю и полубрак у сына ево Климка отвесил и склал в корабль, и за тот товар не учиня платежу, збежал в Колывань, хотя ево алексеевым товаром искорыстоватца, и сын ево алексеев Климко ездил в Колывань, и бил челом по записи в тои торговли в достальных в девятистах яфимках вашие королевина величества бурмистром и ратманом на того Костянтина Кармакина, и против того челобитья, сыну ево Климку те судьи и ратманы указу не учинили, а те судные дела за руками и за печатьми

отданы исцу Климку, и тот Климко те судные дела привез с собою ис Колывани великого государя нашего его царского величества в сторону во Псков, и ныне те судные дела в съезжей избе, и по тем судным делам против записи довелось за тот алексеев товар Балаксина достальные девятьсот яфимков на том Костянтине Кармакине доправить и отдать алексееву сыну Балаксину Климку безволокитно, потому что то дело крепостное, а тот Костянтин Кармакин учинил в тои торговли волокиты тому Климку и отцу ево Алексею Балаксину в Ругодиве и в Колывани пол-третья годы, а в тои волоките и в проесте стало в проторех 497 рублев. И тебе б по мирному посольскому договору и вечному докончанью и по сему моему листу вашие королевина величества стороны колыванского торгового человека Костянтина Кармакина велети сыскать, и против челобитья по записям государя нашего его царского величества стороны псковитина посадцкого торгового человека Алексея Балаксина товару в досталных в девятистах яфимках да в проторных денгах в четырех стах в девяноста в семи рублях дати того Костянтина Кармакина на поруки з записью, а за поруками прислати ево в государя нашего его царского величества в сторону во Псков, или против записи исца Алексея Балаксина за товар недоплатные девятьсот яфимков да проторные четыреста девяносто семь рублев, доправя на том Костянтине Кармакине, потому ж прислати ко мне во Псков, а будет ты своею поноровкою того Костянтина Кармакина за поруками или алексеева иску Балаксина за товар и проторных денег доправя не пришлешь, и я велю за тот алексеев иск и за протор во Пскове вашие королевина величества стороны колыванских или ругодивских торговых людеи товары задержать, да о том учну писать к великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу, к его царскому величеству к Москве, а с сем листом послал я к тебе псковского казака Максимка Афанасьева. Писана великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии самодержца его царского величества отчине во Пскове. Лета 7062 февраля в 28 день.

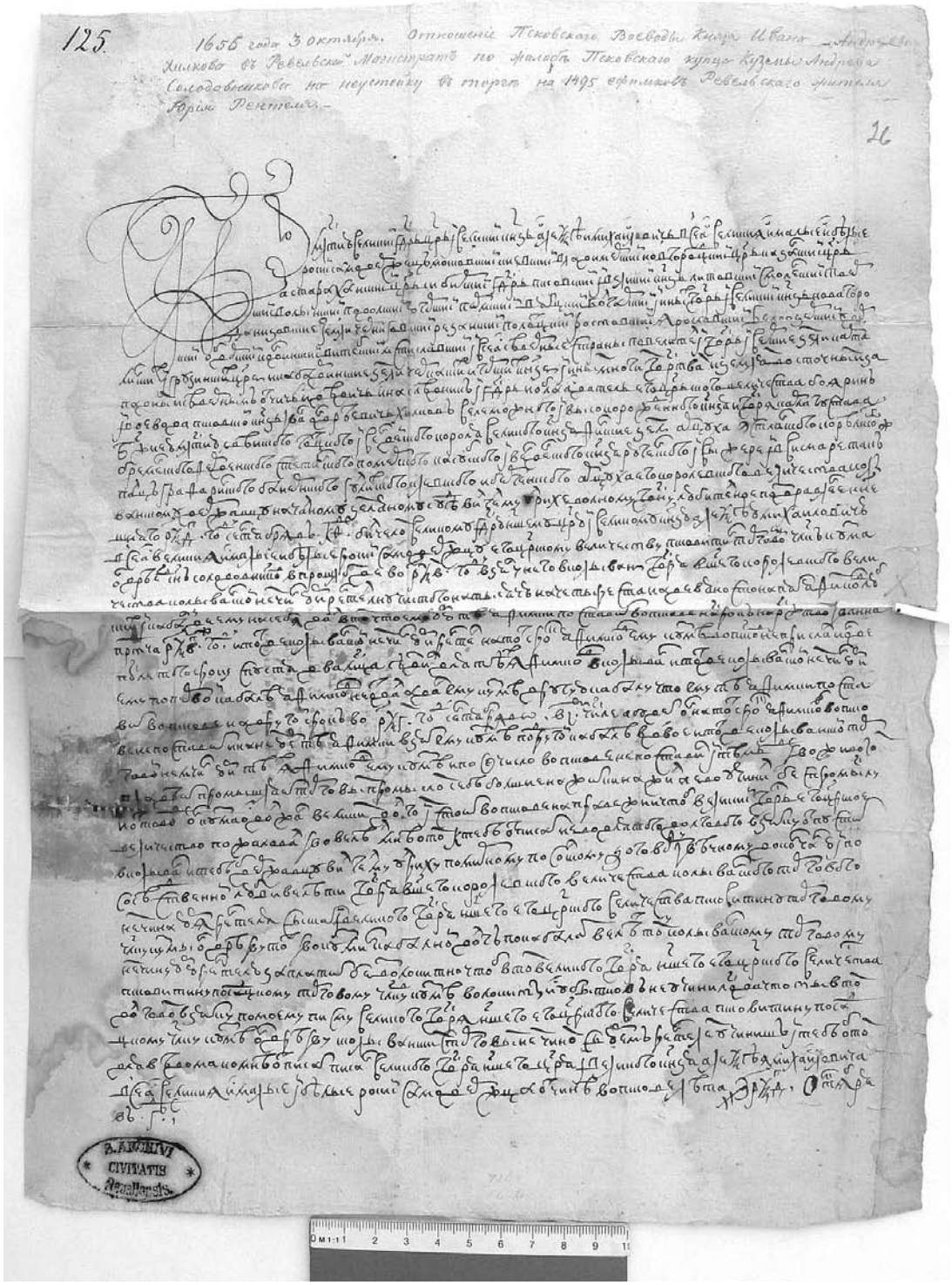
Надпись на обороте: Велеможные и выскороженые княгини и государыни Кристины Божиею милостию королевы Свейскаго, великие княжны Финские земли, арцухны Эслянскои и Корелскои, Бременскои, Ферденскои, Стятинскои, Померской, Косубскои и Вендейские княгини, Рюгенские и в Ыжоре и в Висмаре её королевина величества в Колывань державцу Юрью Мендеру.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 121. Подлинник. Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 120. Стб. 251–258.

№ 13

1655 г., 3 октября. Грамота псковского воеводы кн. И.А. Хилкова властям Ревеля по жалобе псковского купца К.А. Солодовникова.

Божиею милостию великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержца, Московского, Киевского, Володимерского, Новгородского, царя Казанского, царя Астороханского, царя Сибирского, государя Псковского, великого князя Литовского, Смоленского, Волынского, Подольского, Тверского, Югорского, Пермского, и иных, государя и великого князя Новгорода Низовские земли, Рязанского, Черниговского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и иных многих государств государя и обладателя его царского величества боярин и воевода псковскои князь Иван Ондреевич Хилков вельможного и высокорожденного князя и государя Карла Густава Божиею милостию Свеиского, Готского и Вендеиского короля, великого князя Финские земли, арцуха Эстланского, Корелского и Бременского, Ферденского, Стетинского, Померского, Касубского и Веденского, князя Рюгенского и в Ыжере и в Висмаре, так же палц-графа Ринского, Баиернского, Гуллихского, Клевского, и Бергенского арцуха, его королевского величества колыванскому державцу начальному земляному судье Вилгельму Ульрихе волному господину любительное поздравление. Нынешнего 164 году сентября в 29 день бил челом великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцу его царскому величеству псковитин торговои человек Кузма Ондреев сын Солодовников. В прошлом де во 162 году взял у него в Колывани государя вашего королевского величества колыванскои немчин Юрьи Рентель льну чистого на тысячу на четыреста на девяносто на пять яфимков любских, и кабалу де ему на себя дал в том, что ему Юрью те ефимки поставить во Пскове на срок на Рожество Иванна Предтеча 162 году, и тот де колыванскои немчин Юрьи Ретель на тот срок яфимков ему Кузме во Псков не прислал, и он де после того сроку спустя два месяца ездил для тех яфимков в Колывань, и тот де колыванскои немчин ему по первои кабале яфимков не отдал, а дал ему Кузме другую кабалу, что ему те яфимки поставить во Пскове на другои срок во 163 году сентября в 12 числе, а будет он на тот срок яфимков во Пскове не поставит, и на нем Юрьи те яфимки взять ему Кузме по другои кабале вдвое. И тот де колыванскои торговои немчин Юрьи тех яфимков ему Кузме и по се число во Пскове не поставил, и тем де ево животом владеет, промышляет торговым промыслом, себе большие нажитки нажил, а ево учинил без промыслу и от тово де он Кузма одолжал великим долгом и стоит во Пскове на правежи. И чтоб велики государь, его царское величество, пожаловал ево, велел мне о том к тебе отписать и ево для того долгового взятку отпустить в Колывань.



125. 1656 года 3 октября. Отношение Псковского Воеводы Князя Ивана Андреевича Хилкова въ Ревельскій Магистратъ по жалобѣ Псковскаго купца Кузьмы Андреева Солодовникова по неустойкѣ въ торгѣ на 1495 ефимковъ Ревельскаго жителя Юрія Рентелея.

26

ARCHIVI CIVITATIS Amstelodami

И тебе б, державцу Вилгелму, Ульриху по мирному посольскому договору и вечному докончанью и по соседственной любви велети государя вашего королевского величества колыванского торгового немчина Юрья Рентеля сыскать и великого государя нашего его царского величества псковитину торговому человеку Кузмы Ондрееву тот ево кузмин кабалнои долг по кабалам велеть тому колыванскому торговому немчину Юрью Рентелю заплатить безволокитно, чтоб в том великого государя нашего его царского величества псковитину посадцкому торговому человеку Кузме волокиты и убытков не учинилось. Да что ты в том долговом взятку по моему писму великого государя нашего его царского величества псковитину посадцкому человеку Кузме Ондрееву с колыванским с торговым немчином с Юрьем Рентелем учиниш, и тебе б о том для ведома ко мне отписать. Писана великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержца отчине во Пскове лета 7164 октября в 3 день.

На об.: Велеможного и высокорожденного князя и государя Карла Густава, Божиею милостию Свеиского, Готского и Вендеиского короля, великого князя Финские земли, арцуха Эстланского, Корелского и Бременского, Ферденского, Стетинского, Померского, Касубского и Веденского, князя Рюгенского и в Ыжере и в Висмаре, так же палц-графа Ринского, Баиернского, Гуллихского, Клевского, и Бергенского арцуха, его королевского величества колыванскому державцу начальному земляному судье Вилгельму Ульриху.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 125. Подлинник
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 124. Стб. 271–276.

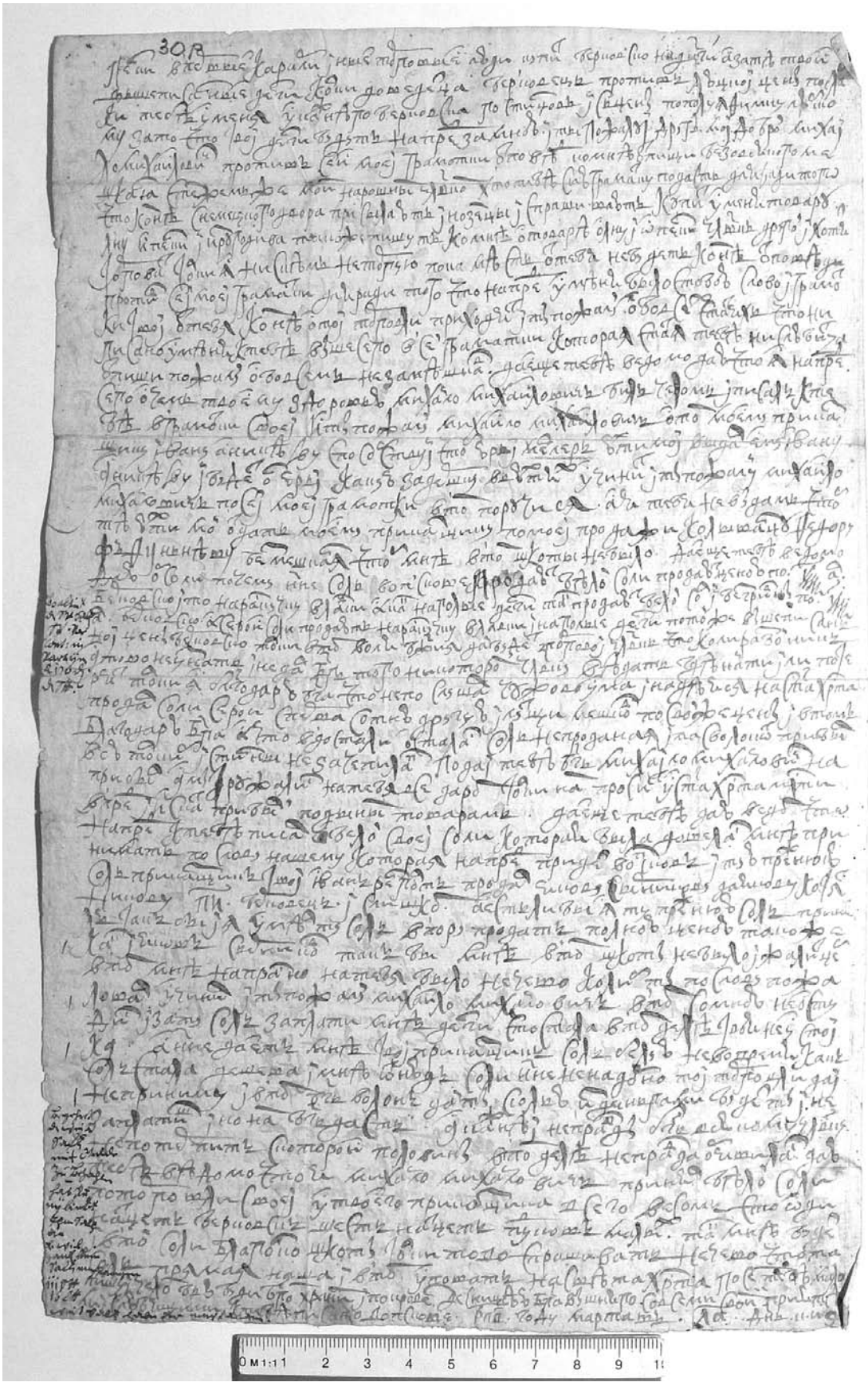
№ 14

1674 г., марта 31. Письмо псковского купца К.И. Зюнина ревельскому купцу Михаилу Паулсену.

(Л. 1) Господину и другу моему доброму Михаилы Михаиловичю Павлосону молодому. Нехто знаем тебе изо Пскова бывшии иванегородец псковской житель Козма Иванов Зюнин челом бью. Как тебя Бог милует? А я благодаря Бога по се число жив, а впредь уповаю на него ж, всещедраго Бога милостивого. Что писал ты Михаило Михаилович ко мне грамотку марта в 13 день, и та грамотка твоя до меня дошла того ж марта в 28 день со псковским извощиком, а что у тебя в неи написано, и то я все слышал, а как та твоя грамотка писана марта в 13 день, и пришла ко мне в 28 день того ж марта, так прошло тому 16 дней, и я Михайло Михайлович того ж числа объявил твою граматку приказщику твоему Ивану Рейхолту, которого числа мне извощик подал, для того объявил, чтоб тебе Михаило Михаилович от того в кручину не было, для ради того, что та твоя грамотка не за мною замешкалась, как ни есть, будет удержал тое твою граматку извощик, с кем была у тебя послана, а что ты пишешь Михайло Михайлович в тои своеи грамотке о лну и о пенки, чтоб поставить мне тот товар к тебе в Ругодив в нынешнем годе по первои воде, и хошь ты со мною торговать, и тот товар купить и велишь ты мне к собе о том товаре, о лну и пенки отписать прямую цену, и я тебе о том Михайло Михайлович даю ведом и объявляю, что у меня милостию Христовою товару ста два-три берковец есть, толко ныне мне на свои товар цены класть нельзя для того, что положить мне цена большая на свои товар на ругодивскои весь, так тебе не достои будет, а положить мне на тот свои товар малая цена, так мне будет в ызьян для ради того, что путь стал не зимнеи, и купить негде, что приезжих людеи нет, а у городовых людеи товаров и много, а толки как купить у них, так хлебы будут малые, толки лишень им будут хлебы, и я тебе о том ведом даю и объявляю о цены: ныне от лну и от пенки будет тебе вдосталь, и изволишь ты дать мне ценою за берковско лну на ругодискои вес по двенатцать рублев, а за пенку тоже за берковско по семи рублев на тот же ругодискои вес, и в том тебе Бог в помочь, и по тои вышеписанои цены лен и пенка принять, а будет тебе не в достои по тои вышеписанои цены за лен и за пенку дать за берковскои, и то дело мошно отложить до времени как Бог даст товар не будет на место в Ругодив, а как Бог даст милость свою, и будет товар на место в Ругодив, и в то время мошно о цены договариватца, кому будет у тебя приказано, чтобы нам на обе половины было добро, а как станут впервые корабли в Ругодив болшие вари товара лен и пенку купить, и в то время означитца цена от иных торговых людей. Да еще тебе ведомо даю, что ты пишешь ко мне в тои же своеи грамотки и объявляешь мне о денгах о золотых и жалуешь ты, хочешь ко мне прислать триста золотых, и на том тебе челом бью, что

ГИАМО ОПИСЬ РЕВИЗИИ

жалуешь, веришь, и ты Михайло Михайлович, будет изволишь прислать ко мне золотых, и ты пожалуй ко мне нынеча вскоре пришли сот пол-десятка золотых для ради того, что и ныне по надобным местам мошно товару достать купить, пока цена выше не вздыметца, а есть таких добрых людеи, у которых товар есть, что половина денех дать напред в руки, а другои половины денех и подождут на время, а будет ты Михайло Михайлович пожалуешь ко мне денег пришлешь, и ко мне отпиши, какои товар купить, и как Бог дасть милость свою, и будет товар у меня на твои денги куплен, и в долг что будет взято за тем же денгам, и в Ругодив будет послан, и ты з Божиею помочью тот товар принимаи, а толки доведетца тебе тот товар принять против люцкои цены, по чему в то время станут купить иные торговые люди, а что Бог даст под тем товаром прибыли или накладу сверх своих истинных денег, и то нам розделить с тобою пополам, а будет тебе не в достои будет того товару принять против люцкои цены, ино тот товар продать на сторону, а свои истинные денги на обе половины нам к себе принять, колки будет своих истинных денег с обеих половин, а прибыль или наклад також розделить, как выше сего писано, а будет тебе Михайло Михайлович так не в достои, как выше сего писано, чтоб купить товар вопчо, и ты за все свои вышеписанные денги прими у меня в Ругодиве моим товаром лном или пенкою по цене, по чему станут того товару лну или (л. 1 об.) пенки в первые корабли иные торговые люди купит берковско на денги, а за те твои вышеписанные денги, колки доведетца берковец против люцкои цены, послабки тебе у меня у кажнего берковска гостинцов и с цены по полуяфимку любскому за то, что твои денги будут напред за мною. И ты пожалуи друг мои доброи Михайло Михайлович против сеи моей грамотки отповедь ко мне отпиши безо всякого мешканья с тем же моим нарошным человеком, кто тебе сию грамоту подаст для ради того, что ко мне с немецкого двора присылают иноземцы и спрашивают купить у меня товару лну и пенки, и из Ругодива також пишут ко мне о товаре о лну и о пенки человек-другои и хотят торговать, толки я ни с кем не торгую, покамест от тебя не будет ко мне отповеди против сеи моеи грамотки, для ради того, что напред у меня было с тобою слово и грамотки твои от тебя ко мне о тои торговли приходят, и ты пожалуи об всех статьях, что ни писано у меня к тобе выше сего в сеи граматки, которая статья тебе ни слюбитца, отпиши пожалуй обо всем не замешкав, да еще тебе ведомо даю, что я напред сего о чем твоему здоровью, Михайло Михайлович, бил челом и писал тебе в грамотке своеи, и ты пожалуй Михайло Михайлович о том моему приказщику Ивану Аникееву способствуй, чтоб Юрьи Меллер юхти мои выдал ему Ивану Аникееву, и будет он Юрьи какую задершку в юхтех учинит, и ты пожалуй Михайло Михайлович по сеи моеи грамотки в том поручися, а я тебя не выдам, чтоб те юхти мои отдать моему приказщику по моеи продажи колыванцу Федору



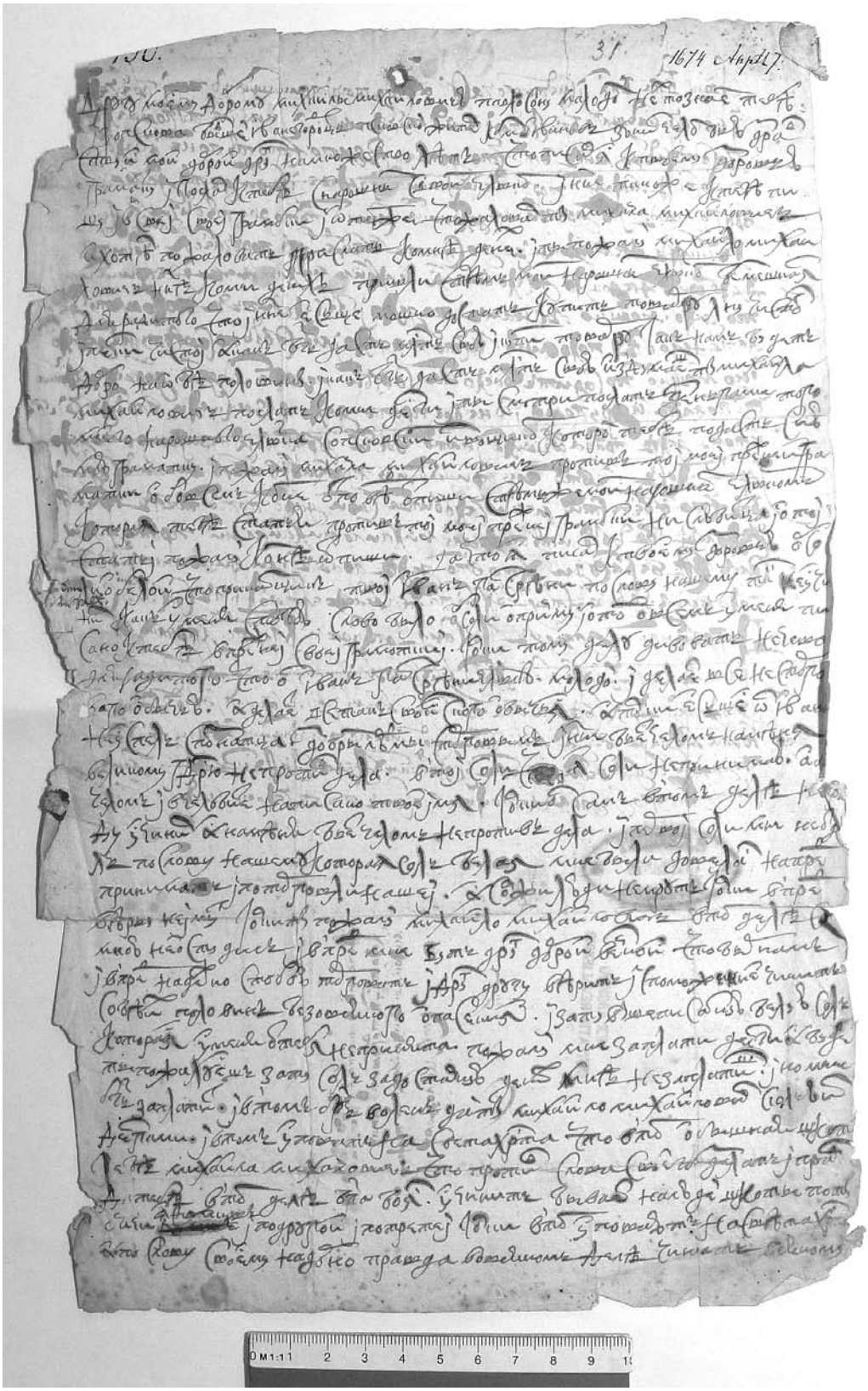
Фефуньеву без мешканья, чтоб мне в том шкоты не было, да еще тебе ведомо даю об соли: по чему ныне соль во Пскове продают; белои соли продают ценою по 60 алтын берковскои и то на раскучку в лавки, а как на голые деньги, и так продают белои соли без гривны по 60 алтын берковско, а серои соли продают на раскучку в лавки и на голые денги по тои же вышеписанной цены берковско, толки в том воля Божия да будет. Торговои человек что, коли разбоиник? А того не узнать, и не дал Бог того никоторому человеку ведать, где найти или потерять, толки я благодарю Бога, что не послушал чужово ума, надеяся на Света Христа, продал соли серои сперва продал соли сотню- другую и лутши мешков по своеи же цены, и в том благодарю Бога, а что в достали осталась соль не проданная, и та сволокоть прибыль всю, толки б истины не зачепила б. Подай тебе Бог, Михайло Михайлович на прибыль, а мы тружались на тебя все даром, толки нам просить у Света Христа милости впредь, а искать прибыль под ыным товарам. Да и еще тебе даю ведомо: что напред к тебе писал о белои своеи соли, которая была довелась мне принимать по слову нашему, которая напред придет во Псков, и тую прежнюю соль приказщик твои Иван Ренгольт продал Якову Сырникову да Якову Котятникову 88 берковец и с лишком, а естли бы я ту прежнюю соль принял, так бы и я умел ту соль в пору продать полною ценою, такоже как и Яков Сырников, так бы мне в том шкоты не было, и жалитца в том мне напрасно на тебя было нечево, коли б ты по слову пожаловал, учинил, и ты пожалуй Михайло Михайлович, в том со мною не остудись, и за ту соль заплати мне денги, что стала в том деле твоя неустойка, а ныне дает мне твои приказщик соль белую не во время, как соль стала дешева, и мне отнюдь соли ныне не надобно, тои торговли да и не приниму, и в том Бог волон да и ты, с солью и з деньгами. Будет ты и не заплатишь, ино нам Бог даст, а кажнеи неправды Бог всякому человеку не потерпит, с которои половины в том деле неправда объявилась. Даю тебе ведомо, что я Михайло Михайлович принял белои соли по торговли своеи у твоего приказщика всего весом сто одинатцеть берковск шестнатцеть пудков малых, так мне будет и в тои соли благонко шкоты, толки тово спрашивать нечево, что та соль прямая наша, и в том уповать на Света Христа. По сем тебе мало пишу и челом бью, буди Богом храним и покровен десницею Бога всевышнего со всеми своими приятели и с любищими к тебе. Писано во Пскове 184 году марта в 31 день. K.u.s

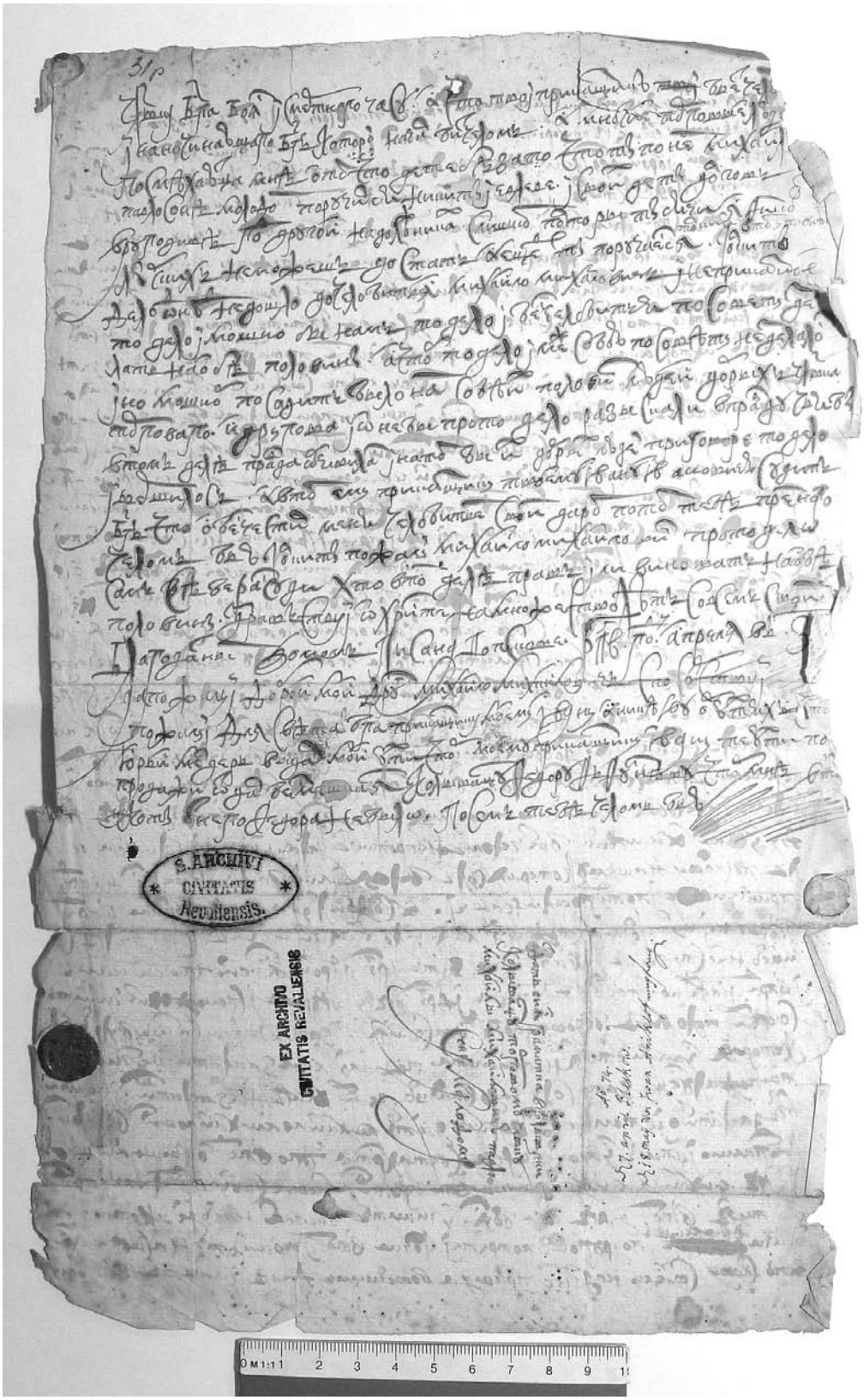
Таллинский городской архив. ВН 30 № 129.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 128. Стб. 285–294.

№ 15

1674 г., апреля 7. Письмо псковского купца ревельскому купцу М.М. Паульсену о торговых делах.

Другу моему доброму Михаилы Михайловичю Павлсону молодому, нехто знаем тебе изо Пскова, бывшеи иванегородец псковскои житель Козма Иванов Зюнин, челом бью. Здравствуй, мой добрый друг на множество лет. Что писал я к твоему здоровью грамотку и послал к тебе с нарошным своим человеком, и ныне такую же к тебе пишу и в своей своей грамотки и о том же, что жаловал ты Михаила Михаилович, и хотел пожаловать, прислать ко мне денех, и ты пожалуй Михайло Михайлович, ныне ко мне денех пришли с тем моим нарошным человеком без мешканья для ради того, что и ныне есщо мошно достать купить товару лну чистого и пенки чистои, а как Бог даст милость свою, и купим товару, так нам будет добро на обе половины, и как Бог даст милость свою и здумаешь ты, Михайла Михайлович, послать ко мне денги, и ты смотри послать с денгами того моего нарошного человека со псковским извощиком, который тебе подаст сию мою граматку, и пожалуй Михайло Михайлович против тои моеи прежнеи грамотки обо всем ко мне отповедь отпиши с тем же моим нарошным человеком, которая тебе статья против той моей прежней грамотки не слюбитца, и о тои статьи пожалуй ко мне отпиши. Да что я писал к твоему здоровью об соли об белои, что приказщик твои Иван Гансрени по слову нашему так не учинил, как у меня с тобою слово было об соли о приему, и о том о всем у меня писано к тебе в прежнеи своеи грамотки, толки тому делу дивовать нечево для ради того, что он Иван Гансрени человек молодои, и делает все не с торговаго обычаю, а делает все так с воинского обычья, а толки есще он Иван не успел спознатца с добрым людми с торговым, и ныне бьет челом на меня великому государю не против дела в той соли, что я соли не принимаю, а бьет челом и в челобитье написано твое имя, толки он сам в том деле неправду учинил, а на меня бьет челом не против дела, и первои соли мне не отдал по слову нашему, которую соль белую мне довелось принимать напред, и по торговли нашеи, а со лжи люди не мрут, толки впредь веры не имут, толки ты пожалуй Михайло Михайлович в том деле со мною, не остудись, и впредь мне буть друг доброи, вечнои, чтобы нам и впредь надежно с тобою торговать, и друг другу верить, и споможение чинить с обеих половин безо всякого опасения, и за ту вышеписаную белую соль, которая у меня от тебя не принята, пожалуй мне заплати денги, а будет ты пожалуешь за ту соль за достальную денег мне не заплатишь, ино мне Бог заплатит, и в том Бог волен да ты Михайло Михайлович, солью или денгами, и в том уповаю на Света Христа, что в том обышная шкота тебе, Михайло Михайлович, что против слова своего зделал и правда тебе в том деле Бога боясь учинить, бывает на людей шкоты по тысячи яфимков, по другой и по третей, толки в том




S. ARCHIVI
CIVITATIS
Revaliensis.
EX ARCHIVO
CIVITATIS REVALIENSIS

уповают на Света Христа, а по слову своему наверно правда во всяком деле чинит, всякому (л. 1 об.) человеку Бога боясь и смертного часу. А что твои приказщик бьет челом, и на начинающаго Бог, который начал бить челом, а многие торговые люди посмехаютца мне о том, что де тебе за то, что ты по нем Михайле Павлосоне молодом поручился Никиты Иевлеве и своих де ты долгов в Ругодиве год-другой на доложниках слишком полторы тысячи яфимков людских не можешь достать, а еще ты поручался, толки то дело одно не дошло до челобитья, Михайло Михайлович, и не приказное то дело, и мошно бы нам то дело и бес челобитья по совету зделать на обе половины, а чтоб то дело и меж собою по совету не зделалось, ино мошно б посадить было нам с обеих половин людеи добрых человека торговаго и другова, и оне бы про то дело разыскали, чья бы в том деле правда объявилась и на том бы их добрых людеи приговоре то дело и вершилось, а в том ему приказщику твоему Ивану Гансрени судит Бог, что обесчестил меня челобитьем своим даром, потом тебе премного челом бью, и толки ты пожалуй, Михайло Михайлович про то дело сам себе рассуди, хто в том деле прав или виноват на обе половины. Здравствуй со Христом на множество лет со всем своим благодатным домом. Писана во Пскове 182 году апреля в 7.

Да пожалуй, доброи мои друг, Михайло Михайлович, способствуй, пожалуй для Света Бога приказщику моему Ивану Аникееву об юхтях: Юрьи Мендер выдал мои юхти, чтоб моему приказщику Ивану те юхти по продажи отдать не мешкая колыванцу Федору Фефуньеву, чтоб мне в том шкоты от него Федора не было. По сем тебе челом бью.

Припись в нижней части л. 1 об. Перпендикулярно основному тексту:

Отдать сия граматка в Колывани колыванцу торговому человеку Михайлы Михайловичу Павлосону молодому.

Таллинский городской архив. ВН 30 № 130. Подлинник.
На обороте перстневая печать красного воска.
Публ.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. № 129. Стб. 293–298.

В.А. Аракчеев

Псков и Ганза в эпоху средневековья

Научная справка

Псковская областная
общественная организация «Чудской проект»
в рамках проекта ЕС «Ганзейские города:
восстановление исторических связей
для современного управления
в сфере культуры»

Редактор С.Е. Тимофеев
Верстка С.И. Володин
Корректор В.Н. Финаева

Псковская областная общественная
организация «Чудской проект»
180017, г. Псков, ул. Я. Фабрициуса, 2а, оф. 18

Отпечатано: ООО «Дизайн экспресс»,
180007, г. Псков, Ольгинская наб., 5а
Зак. № 84. Тир. 100 экз.